

У 555
268

К. Горданъ.

Ф. Бал

КАРЪ ШИРОВЦЫ

СПАСЛИСЬ

ОТЪ ПОЖАРОВЪ.

Разсказъ для народа.

Изданіе Главнаго Совѣта Соединеннаго Россійскаго
Пожарнаго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ
Почетнымъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго
Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Пайкина и И. Флейтмана. Невскій просп., № 82.

1897.

Какъ Спиrowцы спасались отъ пожаровъ.

(Разсказъ для народа).

I.

Иванъ Горбатовъ, отбывъ солдатчину, веселый и радостный возвращался въ свое родное село Спиrowо, Тверской губерніи. Ему порядочно наскучила пятилѣтняя нелегкая солдатская служба, а будущая еще болѣе тяжелая крестьянская доля казалась почему-то привольной и легкой. Семья Ивана была одна изъ зажиточныхъ въ селѣ. Кромѣ пяти душъ надѣла, Горбатовы владѣли еще купленной пустошью и это позволяло имъ держать трехъ лошадей, пять коровъ, да штукъ десять мелочи.

Домъ Горбатовыхъ былъ большой, пятистѣнный, крытый тесомъ, а всѣ надворныя и холостыя постройки были построены солидно и прочно. Хозяйство велъ старшій братъ Федоръ, но настоящей хозяйкой считалась мать ихъ, вдова Марья Павлова, такъ какъ Иванъ былъ въ солдатахъ, а младшему сыну Петру было только 15 лѣтъ и хозяйство было нераздѣльное. Семья Горбатовыхъ была большая, за столъ садилось 11 человекъ. Не смотря на это, они не могли управиться съ хозяйствомъ только се-

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Августа 1897 г.

мейными силами, а потому круглый годъ держали работника, а лѣтомъ приходилось принанимать еще поденщиковъ и поденщицъ.

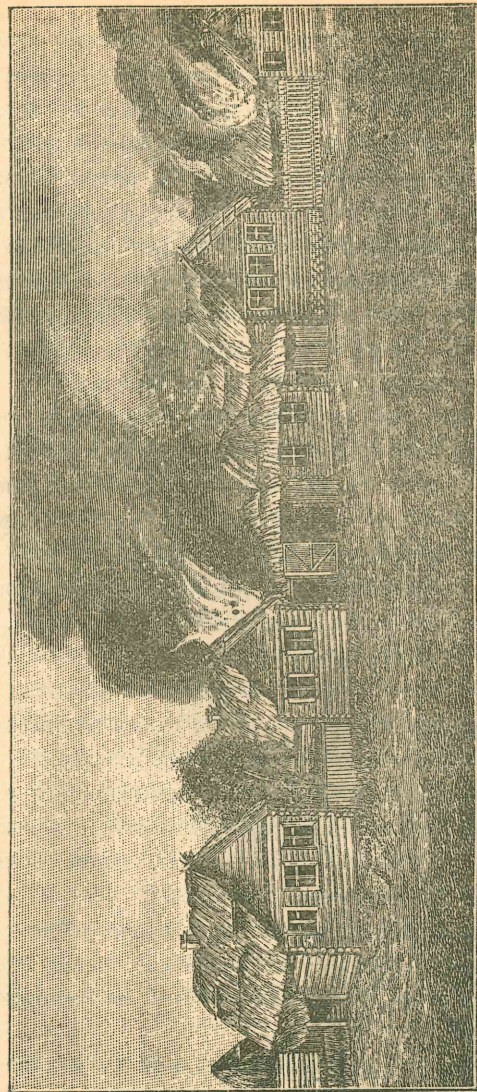
Не мудрено, что Иванъ Горбатовъ, подѣзжая къ родному селу, мечталъ о разныхъ пріятностяхъ привольнаго житья и о женитьбѣ.

Пріѣхалъ Иванъ домой къ вечеру. Послѣ обычнаго здоровья, поцѣлуевъ и спѣшныхъ переспросовъ о томъ: «какъ доѣхалъ», «давно-ли отпустили», «совсѣмъ-ли» и т. д., семья засѣла за самоваръ. Ребятишки и даже дѣвки, чуть-ли не со всего села, не преминули собраться подъ окнами, чтобы посмотрѣть на «солдата», сидѣвшаго въ переднемъ углу въ мундирѣ. Явились и родственники, а вмѣстѣ съ тѣмъ и водка и яичница. Самоваръ «подогрѣвали» раза три, а такъ какъ онъ при этомъ ужасно дымилъ и распространялъ угаръ, то его выносили на время въ сѣни. Наговорившись до сыта, и напившись чаю, что называется, до третья пота, гости часовъ въ десять разошлись по домамъ, а семья Горбатовыхъ мирно улеглась спать. Въ полночь, когда всѣ только что разоспались, въ окно Горбатовскаго дома кто-то застучалъ изо всей силы, крича дикимъ голосомъ:

— «Горите! Горите! Пожарь!»

Всѣ въ домѣ Горбатовыхъ проснулись. Поднялась суматоха, крикъ, причитанья бабъ, плачь дѣтей. Федоръ, подбѣжавъ къ окну и вида, что освѣщена противоположная сторона улицы, сравнительно твердымъ голосомъ, какъ-бы желая успокоить себя и другихъ, проговорилъ:

— «Должно у сосѣда Михайлы изба горить... Неустоять, пожалуй и намъ... Пойтите скотину со двора выпустить!» И онъ кинулся было вонъ изъ избы въ дверь,

Пожаръ въ селѣ Спировѣ.

выходящую прямо внутрь двора. Но едва онъ полукоткрылъ ее, какъ внутрь хлынулъ столбъ пламени и дыма. Федоръ не потерялся и успѣлъ дверь захлопнуть. Ясно было, что горѣлъ не сосѣдъ Михайла, а сами Горбатовы. Федоръ заметался по избѣ и, хватая ребятишекъ, началъ высаживать ихъ изъ окна. Въ это время взрослые кидались изъ угла въ уголь, какъ безумные, не зная, чтобы такое спасти и впопыхахъ хватали ничего не стоящую рухлядь, а болѣе цѣнныя вещи оставляли безъ вниманія.

Снаружи послышались угрожающіе возгласы:

— «Спасайтесь! Скорѣе! Домъ занялся!»

Горбатовы спѣшно повискакали въ окна въ одномъ бѣльѣ, безъ обуви, и увидали, что дворъ ихъ весь въ огнѣ, а у дома горитъ задняя сторона и крыша. Первымъ замѣтилъ пожаръ ночной сторожъ Дмитрій Вихляй. Когда неожиданно и какъ-бы разомъ взвился къ небу высокій столбъ огня и дыма, Дмитрій былъ на другомъ концѣ села. Увидя огонь, онъ поднялъ крикъ и вопль, и побѣжалъ къ пожару, колотя по дорогѣ въ окна крестьянскихъ избъ. Окна быстро начали раскрываться. Высовывались заспанная и встрепанная головы мужиковъ и бабъ, и быстро съ воплемъ:—«горимъ!» скрывались.

Заскригѣли ворота дворовъ, замычалъ испуганно выгоняемый на улицу скотъ, зазвенѣли стекла у быстро раскрываемыхъ оконъ, поднялся вопль, плачь, крики, причитанья, и невообразимая суматоха.

Всѣ спѣшили повытаскать изъ домовъ добро и рухлядь, и снести ихъ подальше, въ безопасное мѣсто. О тушеніи же пожара и его ограниченіи никто не заботился и не помышлялъ.

Послышался зловѣщій, заунывный набатъ на церков-

ной колокольнѣ, быстро всполошившій и обитателей окрестныхъ селеній и отовсюду къ селу побѣжалъ народъ.

Но къ сожалѣнію народъ этотъ бѣжалъ на пожаръ безъ всякихъ орудій огнетушенія и только у немногихъ мужиковъ и парней блестяли заткнутые за пояса топоры.

Сбѣжавшіеся съ голыми руками жители окрестныхъ деревень, вмѣсто помощи, только болѣе усилили шумъ, крикъ и сумятицу около пожарища. А въ это время красный пѣтухъ безпрятственно летѣлъ все дальше и дальше, и, безъ всякаго сопротивленія со стороны безмысленно снующей около пожарища толпы, уничтожалъ годами нажитое и скопленное крестьянское добро.

Тѣ мужики и парни, у которыхъ оказались съ собой топоры, кинулись къ сосѣднимъ негорящимъ избамъ, расположеннымъ за вѣтромъ, а потому и безопаснымъ отъ огня, и начали срывать наличники, выбивать рамы, рубить колоды, ломать переборки, чуланы, лавки, полы. Въ нѣкоторыхъ избахъ почему-то были разрушены даже печи и лежанки... Ломая безмысленно внутренность избъ, никто не обращалъ вниманія на соломенные ихъ крыши. А, между тѣмъ, поверни вѣтеръ на село, огонь и искры легко бы ихъ зажгли, и потому разбирать съ крыши было-бы разумнѣе, чѣмъ ломать внутренность избъ.

Особенному разрушенію подвергались тѣ избъ, хозяйева мужчины которыхъ отсутствовали. Мужики все-таки противились безмысленному полѣму внутренности избъ. Но гдѣ дома были однѣ бабы, тамъ толпа, не взирая на ихъ плачь, просьбы и ругань, съ какимъ-то остервененіемъ разрушала все то, что легко поддавалось ея усиліямъ.

Очевидно, охота поработать, поломать и показать свою силу у этихъ молодыхъ мужиковъ и парней была не ма-

лая, да только некому было направить ихъ на настоящее дѣло, на отстаиваніе построекъ, расположенныхъ не за вѣтромъ, а подъ огнемъ. Сами-же они не шли туда потому, что тамъ работать пришлось въ жару и дыму. А это не такъ-то приятно, да и требуетъ извѣстнаго навыка и настоящей беззавѣтной удали.

Спировцы, повытаскавъ и отнеся подальше, кто на гумно, кто въ дальніе сараи, свое имущество и скарбъ, поуспокоились, и осмотрѣвшись, увидали, что пожаръ ихъ постройкамъ ничуть не угрожаетъ. Тогда мужики, оставя бабъ около избъ присмотрѣть, «чтобы, ненарокомъ, какъ искра не залетѣла», побѣжали на пожаръ.

Наконецъ, вспомнили и о пожарномъ инструментѣ. Нѣсколько человекъ побѣжали за нимъ куда-то на другой край села. Минуть черезъ десять они возвратились съ четырьмя баграми и ухватомъ. Орудья были громоздки и тяжеловѣсны, и насажены не на шести, а чуть-ли не на мачтовыхъ деревьяхъ.

Толпа съ крикомъ подхватила это дреколье и неумѣло, неловко, приступили къ ломкѣ горящихъ избъ. Жаръ стоялъ нестерпимый и трудно было долго оставаться въ какихъ-нибудь пяти—шести аршинахъ отъ пожарища и поэтому мужички беспомощно кидались то впередъ, то назадъ. Багры все срывались и тяжелый конецъ съ желѣзнымъ наконечникомъ быстро опускался къ землѣ.

Наконецъ, кое-какъ удалось багоръ зацѣпить. Но мужички послѣ минутнаго усилія, не стерпѣвъ отъ зноя, бросили и отбѣжали прочь.

На смѣну явились другіе удалцы, но такъ-же быстро отступили.

— «Хорошо-бы это теперича изъ трубы брызнуть!»

отбѣгая отъ багра и отирая рукавомъ потъ съ лица, проговорилъ трактирщикъ Сидоровъ, большой любитель огне-тушенія.

— «Тогда не въ примѣръ стало-бы слободнѣе работать, потому отъ воды жаръ живо поспаль-бы!»

— «Хорошо-то, оно хорошо!»—согласился другой мужичекъ,—«да гдѣ ее взять? Развѣ изъ ведеръ попробовать! А?»

— «Такъ чтожъ! Валяй изъ ведеръ, коли трубы нѣтъ».

— «Эй, бабы! воды тащите сюда, воды!» Толпа тоже подхватила: — «воды! воды!»

Подбѣжали нѣсколько бабенокъ и дѣвокъ съ ведрами. Мужики хватили воду и выплескивали на избы. Но на огонь не попадало и половины, такъ какъ часть воды бесполезно проливалась по дорогѣ. Поэтому огонь и жаръ ничуть не ослабѣвали.

Наконецъ, не ранѣе какъ черезъ часъ отъ начала пожара, прибыла и пожарная труба изъ сосѣдняго села Салова, отстоящаго отъ Спирова въ пяти верстахъ.

Прибытіе пожарной трубы какъ-то сразу оживило толпу, стоящую поодаль въ виду простыхъ зрителей. Она какъ-то вся заволновалась, восторженно загоготала и поспѣшила оцѣпить приѣхавшихъ Саловцевъ тѣснымъ кольцомъ. Посыпались сбивчивые и противорѣчивые совѣты и указанія:

— «Сюда тащи ее, ребята! Сюда!»—кричали одни.

— «Куда вы? не туда! Неровеньъ часъ, вѣтеръ на село повернетъ, все погоримъ! Ставь сюда! Тутъ ей самое мѣсто, потому, въ случаѣ чего, отстоимъ село!»

Саловцы не знали кого и слушать. Они неуклюже стащили трубу съ телѣги и послѣ нѣкотораго метанія изъ стороны въ сторону, поставили ее около угла негорящаго

дома, расположеннаго за вѣтромъ черезъ пролетъ, по соседству съ домомъ Горбатовыхъ.

Началась спѣшная, но неумѣлая процедура привинчивания рукавовъ и ствола. За одно и то-же дѣло хватались разомъ нѣсколько человѣкъ, но свинчиваніе не удавалось.

— «Постой! Дай-ка я попробую!»—говорить одинъ, вырывая забирный рукавъ у другого.

— «Гдѣ тебѣ!»—отвѣчалъ тотъ,—«на, тащи рукавъ къ себѣ!»

— «Не тронь! безъ тебя дѣло обойдется!»

Долго, крихтя и ругаясь, возились Саловцы съ рукавами. Гайки и винты были загрязнены, нарѣзки наполнены пескомъ, а потому и свертка не шла. Наконецъ, кое-какъ рукава привернули и кто-то крикнулъ:

— «Качай!» Нѣсколько человѣкъ отчаянно налегли на рычаги, машина закачалась, что-то заскрипѣло, засопѣло, но вода не шла.

— «Валяй шибче! Шибче!»—кричалъ одинъ изъ Саловцевъ.

Но результатъ все тотъ-же...

— «Ахъ, волкъ ты заѣшь!»—сердито закричалъ командовавшій Саловскій мужикъ: «чего ты, окаянная, сопишь да крихтишь только!...»

— «Да вы, почтенные, такъ-ли рукавъ-то привернули?» вмѣшался Спировский трактирщикъ Сидоровъ.

— «Какъ не такъ?»

— «Да такъ, не съ той можетъ стороны!»

— «Будетъ тѣ не путевое-то говорить! Чай знаемъ, не въ первѣй то же!»

— «Такъ чего-же она не работаетъ?»

— «А дѣшій ее знаетъ! Качай, ребята, сильнѣе!»

Но какъ мужики не бились, а вода не шла.

Наконецъ, послушавшись трактирщика, Саловцы рукава перевернули. Труба теперь какъ-то захлопала, зашипѣла и изъ ствола хлынула струя воды, длиной всего аршина въ 4—5 и конечно далеко не достигла горящаго зданія. Опять послышались совѣты и наставленія изъ толпы:

— «Качай сильнѣе! Тащи трубу къ огню ближе! Заткни стволъ пальцемъ! Нѣтъ-ли запасной кишки, а то бы привернуть и валяй прямо въ огонь».

Мужики послушно качали сильнѣе, трубу перетаскивали съ мѣста на мѣсто, но струя шла все-таки вяло, какъ-бы нехотя. А при затыканіи ствола пальцемъ, только усиливались брызги въ сверткѣ гаекъ, да изъ рукава кое-гдѣ начинали бить тонкіе фонтаны. Изъ толпы послышались насмѣшки надъ Саловцами и ихъ трубой. Тѣ сначала молчали, но потомъ не выдержали и разразились руганью, но не по адресу насмѣшниковъ, а по адресу Земства...

— «Ишь, вѣдь, какую трубу всучило намъ Земство! Изъ нея огороды-бы поливать, а не пожары тушить... Взяли тоже за нее не малые деньги, двѣсти цѣлковыхъ, а она и гроша-то ломаннаго не стоитъ! Взять, да и кинуть ее прямо въ огонь!.. Право!...»

— «Безпремѣнно надо назадъ ее отправить!»—говорили другіе,—«пуцай изъ нея въ городъ улицы поливають, а намъ чтобы новую, настоящую!»

Толпа горячо сочувствовала печальнымъ собственникамъ печальной трубы, и, по невѣжеству, вполне раздѣляла ихъ мнѣніе о виновности Земства въ ея плохомъ состояніи. Но иначе отнесся къ этому солдатъ Иванъ Горбатовъ.

Въ началѣ пожара, онъ какъ-бы опѣшилъ и плохо со-

знавала все случившееся. Стоя въ сторонѣ, онъ какъ-бы безучастно смотрѣлъ и на пожаръ и на все происходящее передъ его глазами. Но прибытіе пожарной трубы и возня съ нею неумѣлыхъ Саловцевъ, наконецъ обратили его къ дѣйствительности и онъ мало по малу сталъ приходить въ себя и осваиваться съ положеніемъ. Видя плохую работу трубы, онъ направился къ ней.

Живя во время службы въ городахъ, онъ не разъ бывалъ по наряду на пожарахъ, то въ караулѣ, то какъ казначикъ. Поэтому ему до нѣкоторой степени было знакомо обращеніе съ пожарными трубами. Видя бесполезныя усилія Саловцевъ, онъ раздвинулъ толпу и, подойдя къ самой трубѣ крикнулъ:

— «Качай!» Затѣмъ осмотрѣлъ свертку гайки и его обдало цѣлымъ снопомъ брызгъ.

— «Стой!»—скомандовалъ онъ.—«Эхъ вы, горе пожарныя! Земство вините! А причемъ тутъ Земство, коли сами ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслите!»

Говоря это, онъ быстро развернулъ гайки, обмылъ ихъ въ водѣ и обтеръ подоломъ рубахи.

— «А гдѣ-же кольца прокладочныя?»—обратился онъ къ Саловцамъ.

— «Кольца? А они вотъ!»—указалъ ему Саловскій мужикъ.

— «Такъ развѣ они на то, чтобы на коромыслѣ висѣть? Вѣдь ихъ надо при сверткѣ въ гайки вкладывать! Тогда вода не будетъ брызгать и воздухъ не пройдетъ и труба будетъ работать какъ слѣдуетъ!»

Вложивъ кольца и свернувъ гайки потуже, при помощи ключа, Иванъ крикнулъ: «Качай!» Труба перестала шипѣть и брызгать, струя усилилась, но все-таки была

сравнительно слаба. Иванъ посмотрѣлъ въ цилиндры. Тамъ слышалось шипѣніе. Очевидно, кожаные клапаны ссохлись и пропускали воздухъ. Иванъ, ни слова не говоря, взялъ ведро воды и сталъ лить ее въ цилиндры поверхъ поршня. Труба начала работать лучше, и струя постепенно усилилась и удлинилась. Это произошло потому, что кожа у поршней замочла, плотнѣе прилегла къ стѣнкамъ цилиндровъ и перестала пропускать снизу воздухъ и воду. Вслѣдствіе-же этого, давленіе поршней увеличилось, а струя усилилась. На приведеніе трубы въ порядокъ ушло всего минутъ десять.

Дѣло такимъ образомъ объяснилось очень просто: труба долгое время оставалась безъ присмотра, безъ смазки и чистки, и была до-нельзя запущена. А Саловцы не умѣли и не знали, какъ съ нею обращаться и что нужно было сдѣлать, чтобы ее направить какъ слѣдуетъ.

Не смотря на то, что труба была приведена въ порядокъ, пользы отъ ея работы было мало. За недостаткомъ воды, качку приходилось часто останавливать, а въ это время затухшее мѣсто опять воспламенялось и горѣло по-прежнему.

Воду таскали изъ колодцевъ, такъ какъ пруда не было, а рѣчка протекала за селомъ въ полу-верстѣ. Ни бочекъ на ходахъ, ни ушатовъ, или кадокъ не было, и потому воду таскали только ведрами. Да и ведръ-то было мало.

Крестьяне сосѣднихъ селеній ихъ съ собой не принесли, а Спировцы своихъ имъ не давали. Боясь, что вѣтеръ повернетъ на село, они въ своихъ ведрахъ и кадкахъ держали воду про запасъ около своихъ избъ, чтобы при случаѣ затухшитъ залетѣвшую искру или головешку. Многіе изъ мужиковъ сидѣли съ ведрами и съ вѣниками прямо на крышахъ и ждали искръ.

Подача воды ведрами изъ колодцевъ вообще была очень медленна и не удовлетворяла трубу, такъ какъ она въ минуту выкидывала болѣе 10 ведеръ, а изъ колодца за это время не успѣвали вытащить и двухъ ведеръ. Постепенно изъ ближайшихъ колодцевъ вода была вся вычерпана и пришлось бѣгать все дальше и дальше, а это еще больше замедляло качку воды.

Домъ Горбатовыхъ стоялъ двѣнадцатымъ отъ края и, къ счастью Спировцевъ, вѣтеръ тянулъ не на село, а къ полю.

Огонь, не встрѣчая сопротивленія и вслѣдствіе плохаго и неумѣлаго огнетушенія, постепенно охватилъ всѣ двѣнадцать стоящихъ по вѣтру домохозяйствъ. Благодаря сравнительно тихой погодѣ, постройки горѣли тихо и ровно, какъ свѣчки и пожаръ распространялся сравнительно медленно. Будь команда и двѣ настояще-дѣйствующихъ трубы, пожаръ легко можно было-бы ограничить только однимъ гнѣздомъ.

Когда огонь охватилъ всѣ двѣнадцать домовъ, то жаръ развился нестерпимый и если-бы не Саловская труба, то могъ-бы загорѣться, просто отъ зноя, и домъ, стоящій за вѣтромъ, по соседству съ домомъ Горбатовыхъ. У него не разъ начинала дымиться крыша и карнизъ, но Саловцы во время успѣвали обливать загорающіяся мѣста водой изъ трубы. Собственно, только этимъ и ограничилась полезность крестьянскаго огнетушенія, самый-же пожаръ ему ничуть не поддавался и нисколько не уменьшился. И только когда углы избъ прогорѣли насквозь, то удалось повалить срубы, при помощи багровъ и ухвата, на землю.

Когда потолки и балки съ шумомъ и трескомъ повалились внутрь зданій и поднимали цѣлый столбъ искръ

и дыму, то толпа восторженно гоготала и орала. Нѣкоторые изъ Спировскихъ обывателей, старающіеся при всякомъ случаѣ показать свою разсудительность и солидность, выразили неодобреніе по поводу разломки горящихъ зданій. По ихъ мнѣнію, летящія искры могли попасть на сосѣднія зданія и зажечь ихъ. Ивана Горбатова разговоръ этихъ солидныхъ мужиковъ прямо разсердилъ, и онъ раздраженно и горячо заговорилъ:

— «А по вашему, пусть такъ все село и горитъ, и прикоснуться къ избамъ не должно?»

— «Мы не о томъ!.., а то, что искры могутъ залетѣть куда-нибудь и зажечь»...

— «Ну и пусть ихъ летятъ и зажигаютъ!»

— «Какъ-же такъ?»—опѣшили солидные мужики.

— «А такъ! Коли онѣ летятъ на ваши крыши, такъ вы, вмѣсто того, чтобы здѣсь стоять да зря языкомъ молоть, шли-бы домой, да и слѣдили за ними! А коли ненарокомъ куда и западутъ, то тушите ихъ».

— «Это конечно! Только гдѣ-же за всякой искрой усмотрѣть!..»

— «Да и не зачѣмъ за всякой искрой смотрѣть, а надо только слѣдить, чтобы гдѣ не загорѣлось, да про запасъ около воду держать, да швабры! Загорится, ну и туши. Отъ искры-то, вѣдь, не вся крыша сразу загорится!»

— «Это такъ, точно!»—согласились мужики: — «Конечно, если слѣдуетъ ломать, то надо ломать... да и мы не о томъ, а вотъ какъ-бы отъ искры село не сгорѣло»...

Иванъ посмотрѣлъ на говорившихъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

II.

На другой день въ Спирово пріѣхалъ волостной старшина съ помощникомъ писаря для составленія пожарнаго акта. Отправились на мѣсто пожара. вмѣсто двѣнадцати домовъ и избъ съ надворными постройками, виднѣлись лишь груды дымящагося кирпича и пепла. Не было даже «огарковъ», т. е. обуглившихся бревенъ и досокъ. Хозяева не допустили растаскивать поломанныя избы, говоря, что «Старшина, пожалуй, за огарки изъ страховки вычетъ сдѣлаеть».

Осмотрѣвъ пожаръ и отмѣтивъ въ страховыхъ листахъ сгорѣвшія постройки, старшина приступилъ къ составленію акта. Первымъ былъ опрошенъ Федоръ Горбатовъ, такъ какъ у него начался пожаръ.

На вопросъ о причинѣ пожара, Федоръ самоувѣренно и убѣжденно отвѣчалъ:

— «Не иначе, какъ какой нибудь злой человѣкъ поджегъ!.. потому—грѣхъ случился въ самую полночь, когда всѣ спали... Не повѣришь, Яковъ Семенычъ, въ чемъ были, въ томъ только и повыскакали!.. Насилу ребятшекъ успѣли въ окна выкидать. Все пригорѣло: скоть весь, добро, деньжонки... какія были у матушки въ горницѣ припрятаны...»

— «Ну, кому-жъ тебя поджигать? Золь на тебя кто?... али что другое?...»

— «Да ужъ и ума не приложу кто...»,—въ раздумьи говорилъ Федоръ:—«ни съ кѣмъ какъ будто не въ ссорѣ, самъ зла никому не дѣлалъ...»

— «Да почему ты думаешь, что непременно тебя по-

дожгли? Можетъ неосторожность какая отъ самихъ... Не выходилъ-ли кто изъ домашнихъ на дворъ съ огнемъ, да не заронилъ-ли?»

— «Какое! Я-жъ тѣ говорю, что всѣ спали и никто на дворъ не токмо что съ огнемъ, но и безъ огня не выходилъ. Да и загорѣлось-то не внутри, а снаружи».

— «Развѣ?»

— «Да какъ-же! Ночной караульный сказываетъ, что прибѣжалъ онъ это къ нашему дому и видитъ, что крыша съ заду двора горить».

Позвали караульнаго. Явился изможенный, съ слезящимися глазами старикъ, Митрій Вихляй, и тоже увѣренно высказалъ предположеніе о поджогѣ.

— «Потому»,—говорилъ онъ,—«я только что передъ тѣмъ минутъ за пять мимо ихняго дому проходилъ и ничего замѣтнаго не было».

— «Да откуда ты пожаръ-то увидалъ?»

— «А дошелъ это я, значить, до круглаго краю села и повернулъ... Глядь: горить!.. Ну я и побѣгъ сюда. Смотрю, а крыша-то съ заду двора такъ и пылаеть, ажъ трескъ идетъ!»

— «Ну, ладно! А кто-же, по твоему, поджегъ?»

— «А кто-жъ его знаетъ! Извѣстно не добрый человѣкъ».

— «Можетъ видѣлъ кого проходящимъ? Потому ты сторожъ и должонъ слѣдить».

— «Да я и слѣдилъ, да только никого не видалъ».

Въ виду настойчиваго указанія на поджога, помощникъ писаря такъ и написалъ въ актѣ: «причиной пожара предполагаютъ злоумышленный поджога, совершенный какимъ-либо неизвѣстнымъ лицомъ, самъ-же владѣлецъ въ умышенномъ поджогѣ не подозрѣвается».

Да и можно-ли было подозрѣвать Горбатовыхъ «въ умышленномъ поджогѣ», когда они, благодаря пожару, въ одинъ часъ превратились изъ богачей чуть-ли не въ нищихъ.

Одинъ домъ, безъ надворныхъ построекъ, стоилъ болѣе 1,500 рублей, а между тѣмъ оказалось, что Горбатовы должны были получить страховки за всѣ сгорѣвшія постройки только 150 рублей.

— «Что-жъ такъ мало?»—удивленно и даже испуганно какъ-то спросилъ Иванъ старшину.

— «Не мало, а во сколько были застрахованы, столько и получите»,—отвѣчалъ старшина.

— «Почему-же у васъ, такъ дешево страхуютъ?»

— «У насъ страхуютъ не дешево, а не больше чѣмъ въ двѣ трети оцѣнки. Коли мало покажется въ обязательномъ, переходи въ добровольное, къ агенту. Въ волости страхуютъ до пятисотъ рублей, а въ агентствѣ хоть въ 10 тысячъ застрахуютъ, коли того постройки стоятъ».

— «Такъ почему-же намъ-то только полтора ста рублей выходитъ, когда одинъ домъ, почитай, тысячи двѣ стоилъ?»—приставалъ Иванъ.

— «Ну, объ этомъ ужъ спроси вонъ у брата Федора. Сколько разъ говорилъ ему, чтобы страховалъ, какъ слѣдуетъ. А ему, вишь, денегъ жалко на страховку. Ну, а даромъ у насъ не страхуютъ».

— «Какъ же такъ?»—недоумѣвающе проговорилъ Иванъ, глядя въ упоръ на Федора, который, видимо, смутился и покраснѣлъ.

— «Да такъ!»—угрюмо отвѣчалъ тотъ, не глядя на брата:—«кто-жъ зналъ, что сгоримъ... Отцы не горѣли, да и я ужъ сколько живу, а все Богъ миловалъ... Ну, думалъ, и такъ обойдется... А какъ застрахуемъ, думалъ,

подороже, такъ, пожалуй, еще хуже будетъ: Господа прогнѣвимъ!»...

Иванъ на объясненіе Федора ничего не сказалъ, а только какъ-то особенно крикнулъ и пошелъ прочь. Да и было отчего крикнуть. Сгорѣли не только постройки, но и скотъ, и лошади и все добро, что было нажито и накоплено цѣлыми годами. А мать и посейчасъ не можетъ прійти въ себя отъ потери денегъ. У нея въ чулкѣ, въ укладкѣ, стоявшей въ горницѣ, хранились пятьсотъ рублей, составлявшіе, такъ сказать, фамильный капиталъ, скопленный не однимъ поколѣніемъ. Конечно, слѣдовало-бы деньги, просто для безопасности, положить на храненіе въ Сберегательную Кассу. Но Марья Павлова была женщина темная и потому крайне недовѣрчиво относилась къ сберегательной кассѣ. «А какъ вдругъ «банка» лопнетъ!» говорила она Федору, совѣтывавшему положить деньги на книжку въ кассу. О томъ, что «банка» можетъ лопнуть, она знала потому, что ихъ-же Спировскій священникъ нѣсколько лѣтъ назадъ лишился двухъ-тысячнаго капитала, положеннаго въ какой-то Петербургскій банкъ, обѣщавшій высокіе проценты и вмѣсто того очень скоро обанкротившійся. Что *сберегательная касса* при Государственномъ Казначействѣ, *вовсе не то, что частный банкъ и лопнуть не могутъ*, Марья Павлова никакъ понять не могла.

Потерявъ и постройки, и добро, и деньги, Горбатовы раззорились... Теперь Ивану уже нельзя было думать о привольномъ житѣ. Приходилось заботиться о томъ, какъ-бы построить домъ не хуже другихъ, да купить лошадку и коровушку. А затѣмъ предстоялъ тяжелый, упорный, многолѣтній трудъ, для накопленія хоть половины

того богатства, * которое сгорѣло всего лишь въ одинъ часъ.

Черезъ три дня пріѣхалъ провѣрять пожаръ агентъ земскаго страхованія. Созвавъ погорѣльцевъ, онъ, какъ и старшина, прежде всего началъ спрашивать гдѣ, у кого, когда и отчего загорѣлось.

Къ показаніямъ Федора и караульнаго о предполагаемомъ поджогѣ, агентъ отнесся съ недоувѣріемъ.

— «Кому-же надо было тебя поджигать, если, какъ ты самъ говоришь, никто на тебя не золь, ни съ кѣмъ ты не въ ссорѣ?»—говорилъ агентъ:

— «Поди сами виноваты... Ходили во дворъ съ огнемъ да и заронили».

— «Никто на дворъ съ огнемъ не ходилъ»,—возражалъ Федоръ,—«всѣ спать въ одно время легли, часовъ въ 10, а пожаръ-то случился послѣ полуночи... Безпремѣнно подожгли»...

— «Да передъ сномъ-то вы ужинали?»—допрашивалъ агентъ.

— «Извѣстное дѣло—ужинали».

— «Можетъ и чай пили?»

— «И чай пили».

— «А гдѣ самоваръ грѣли?»

— «Знамо въ сѣняхъ... Потому въ избѣ не способно: дымъ и чадъ отъ него идетъ».

— «Такъ. Поди, что-бъ скорѣе поспѣлъ самоваръ-то, въ него дули?»

— «Какъ не дуть! Солдатъ со службы пришелъ, такъ бабы, вѣстимо, старались, чтобы поскорѣе все было... Ну, и извѣстное дѣло, раздували...»

— «Ну, такъ вотъ что я тебѣ на это скажу: вперёдъ

никогда самоваровъ въ сѣняхъ не разогрѣвайте! Ясное дѣло, что отъ самовара вы и сгорѣли. Отъ дутья вылетѣла искра, или уголекъ, да и запала куда-нибудь въ щель; а оттуда на дворъ въ соломенную постилку, а то можетъ быть залетѣла и подъ застреху. И это случается».

— «Да загорѣлось-то, ваше благородіе, ни внутри, а сзади двора. Да и не въ то время, когда самоваръ ставили, а когда всѣ ужъ спали»,—упорствовалъ Федоръ.

— «Такъ неужели ты думаешь, что какъ искра запала, такъ и пожаръ сейчасъ готовъ? Нѣтъ, братецъ, пожаръ разыгрывается не сразу. И грудокъ въ лѣсу сразу не разведешь. Искра-то сначала тлѣла одна, а потомъ зажгла какую-нибудь тамъ соломинку, а затѣмъ другую, третью, и пошло. Во дворѣ тихо, глухо, солома на подстилкѣ сыровата, а потому тлѣетъ она медленно и пламя не даетъ. Постепенно огонь дошелъ и до стѣны, и та стала только обугливаться, а не горѣть пламенемъ. Добрался огонь по маленьку и до крыши, а тамъ недолго пробиться и наружу. А какъ пробился онъ наружу и вспыхнуло пламя, и пошло валять! Потому что снаружи свѣжій воздухъ и вѣтеръ. А свѣжій воздухъ горѣніе поддерживаетъ, а вѣтеръ пламя вздуваетъ. Вотъ тебѣ и поджоги!»

Объясненіе агента показалось многимъ изъ крестьянъ очень правдоподобнымъ.

— «Все можетъ быть! Можетъ и такъ случилось, отъ самовара»,—говорили нѣкоторые,—«кому надо попусту поджигать: такъ, здорово-живешь! Не иначе, какъ отъ искры».

Разспросивъ о пожарѣ, агентъ началъ провѣрять акты, провѣривъ у кого что сгорѣло, онъ сообщилъ кому сколько будетъ назначено за убытки.

Оказалось, что у всѣхъ погорѣльцевъ постройки были застрахованы въ ничтожной суммѣ, такъ что пожарнаго вознагражденія едва-ли хватить на наемъ плотниковъ. Лѣсъ-же и другіе строительные матеріалы необходимо было покупать на собственные деньги. Но у кого онѣ имѣлись? Было только у одной старухи Горбатовой, да и тѣ сгорѣли.

— «Ну, какъ-же вы теперь справитесь?»—спросилъ агентъ, печально стоящихъ передъ нимъ погорѣльцевъ.

— «Да какъ-нибудь надо оборачиваться...»—отвѣчали нѣкоторые,—«придется скотину пораспродать... У кого ржица можетъ про запасъ была оставлена, такъ ее сбудетъ. Не хватить этого, при займемъ. Кто въ отдачу, а кто въ отработку».

— «Лишь-бы избы какъ-нибудь поставить»,—говорили другіе,—«а дворишки кое изъ чего собрать можно будетъ. Сарай разберемъ, изъ нихъ дворы построимъ».

— «Все это такъ! Но вѣдь, безъ скота, безъ хлѣба, безъ сараевъ, вамъ обойтись тоже нельзя?»

— «Знамо, какъ безъ нихъ быть!»

— «Такъ какъ-же вы ихъ въ дѣло хотите пустить?»

— «Да такъ и пустимъ: не подь небомъ-же жить!»

— «Но отчего-же вы не страховались какъ слѣдуетъ?»

— «Отчего? Оттого, что денегъ нехватка, а у кого и много ихъ, да жалко изъ укладки вынимать».

— «Все равно, какъ дѣти вы»,—качая головой, говорилъ агентъ,—«своей пользы не понимаете. Вѣдь, страховку платить, это то-же, что деньги въ укладку на храненіе про черный день откладывать. Изъ укладки-то деньги украсть могутъ, а то сгорятъ, а въ недобрый часъ и самъ хозяинъ разрѣшить, да и потратить ихъ на другое дѣло. А въ земствѣ деньги всегда будутъ въ сохранности. Да простому

человѣку никогда и не скопится столько, сколько ему земство въ пожаръ выдастъ. Вотъ вы за полторы копѣйки платежа рубль получите. А это значить, что надо было-бы по полторы копѣйки 67 лѣтъ откладывать. Цѣлую жизнь!»

— «Ну, это, пожалуй, надоѣсть! И впрямь не удержишься и на другое дѣло потратишь»,—замѣтилъ кто-то.

— «А скоть страховать можно?»—обратился Иванъ Горбатовъ къ агенту.

— «Можно!»—отвѣчалъ тотъ.

— «А одежду?»

— «И одежду и вообще всякое движимое имущество можно страховать по добровольному».

— «Ишь ты! А мы и не знали»,—вмѣшался другой мужичекъ,—«безпремѣнно надо будетъ все добро застраховать».

— «Застраховать-то все можно, а кто страховку платить будетъ?»—важно проговорилъ сельскій староста—«не больно, вѣдь, на платежъ-то вы охочи! Бьешься, бьешься съ вами, пока окладъ весь очистишь, иной разъ такъ своихъ и приложишь»...

— «Да зачѣмъ-же ты изъ своихъ приплачиваешь?»—спросилъ агентъ.

— «Зачѣмъ? Что-жъ подѣлаешь, коли исправникъ велитъ, чтобы былъ окладъ очищенъ и шабашъ! Вонъ, Марья, бобылка, годовъ пять, какъ страховку не платитъ. Изъ страха постройки ея не исключаютъ, потому, говорятъ, по закону, нельзя. А она платить не хочетъ. А начальство требуетъ, чтобы недоимки ни копѣйки, на новый годъ не оставалось. Ну и не остается, весь окладъ какъ слѣдуетъ очищаемъ... А кто-же за Марью платитъ?»

— «Марья бобылка намъ не примѣръ»,—проговорилъ

одинъ изъ погорѣльцевъ—«ей и заботы мало. Погорить, такъ мы-же ее міромъ содержать должны будемъ. А намъ, хозяйственнымъ мужикамъ, какъ видишь, безъ страховки-то туго приходится».

— «Ну ладно!»—упорствовалъ староста,—«страховку ты къ примѣру, уплатишь, а кто-же тогда за тебя выкупъ платить будетъ?»

— «Дѣйствительно!»—вмѣшался новый мужичекъ,—«если бы не выкупъ, такъ на страховку больше-бы денегъ оставалось. А то теперь такое положеніе: выкупъ уплатилъ, а на страховку-то всего рубль или два остается. Ну и страхуешься не въ столько, сколько постройки стоятъ, а въ рубль, либо въ два».

— «Ты что-то Иванъ негоже говоришь!»—серьезнымъ голосомъ прервалъ говорившаго староста,—«что-жъ по твоему, развѣ ужъ всѣ наши доходы только въ выкупъ идутъ? Будетъ тебѣ зря болтать! Не сходи разъ другой въ праздникъ въ трактиръ, да чай-то дома порѣже попивай, глядишь, достатковъ-то и хватитъ: и на выкупъ и на страховку».

— «Это ты правильно говоришь, дядя Андрей!»—поддержалъ кто-то старосту изъ толпы.

— «А прямо скажу вашему благородію»,—продолжалъ староста,—«по темнотѣ нашей, по необразованію, деньги на пустое зря изводимъ, а на доброе дѣло, какъ вотъ эта страховка, жалѣемъ».

— «Ну, вотъ, пожаръ васъ немножко уму разуму и научить»,—отвѣтилъ агентъ:—«какъ увидите; что безъ страховки трудно по старому обстроиться, авось и одумаетесь, и деньги на страхованіе найдете».

— «Знамо, найдемъ, коли захочемъ!»

Въ это время подошелъ одинъ изъ погорѣльцевъ и обратился къ агенту съ вопросомъ:

— «А что, ваше благородіе, можно намъ на старыхъ мѣстахъ строятся?»

— «А вотъ пойдемъ, посмотрю».

Агентъ, а съ нимъ и толпа крестьянъ, двинулись на мѣсто пожара. Расположеніе сгорѣвшихъ построекъ было видно, какъ на планѣ, такъ на мѣстѣ ихъ нахождения сѣрѣлъ пепель, а въ пролетахъ чернѣла сгорѣвшая трава.

Домъ Горбатовыхъ составлялъ гнѣздо съ избами Сидорова. Далѣе былъ разрывъ въ четыре сажени и подъ-рядъ пять избъ, принадлежащихъ тремъ домохозяевамъ. За ними разрывъ въ 6 сажень и 4 избы, а на концѣ за 3-саженнымъ пролетомъ еще 3 избы. Однимъ словомъ, постройки стояли неправильно, и довольно скученно.

— «На старыхъ мѣстахъ, вамъ строиться будетъ нельзя»,—проговорилъ агентъ, осмотрѣвъ все пожарище:—«попросите старшину, чтобы онъ вамъ отмѣрилъ и указалъ мѣста».

— «Да какъ-же это онъ сдѣлаетъ? Вѣдь на наше село плана нѣтъ!»

— «Это ничего не значить! Возьметъ сажень и отмѣритъ, вотъ отъ этого дома шесть сажень подъ пролетъ, а потомъ семь сажень подъ стройку Горбатовымъ, а рядомъ съ ними семь сажень Сидоровымъ. А потомъ опять шесть сажень подъ пролетъ и двумъ хозяевамъ на постройки по семи сажень и такъ далѣе. Сгорѣло 12 домохозяйствъ, ну онъ и намѣритъ двѣнадцать мѣстъ по 10 сажень. Изъ нихъ каждый можетъ застроить не болѣе 7 сажень и обязательно въ одну сторону оставить три сажени подъ пролетъ. Два домохозяина, составляющіе гнѣздо,

должны будутъ строить дворы смежно, а избы съ боку».

— «Этакъ, пожалуй, придется съ своей печины сдвигаться!»

— «Ну такъ что-жь! и сдвинитесь».

— «Кому-же охота! Тутъ дѣды и отцы жили, и мы родились. Нѣтъ, съ своей печины идти никто не согласится».

— «Не согласитесь, такъ Земство ваши постройки только по нормѣ приметъ на страхъ, то есть въ такой суммѣ, что вы въ пожаръ за избу получите 25 р., а за дворъ 10 рублей».

— «Да развѣ на эту сумму построитесь?»

— «Ну, а если хочешь дороже страховаться, то и стройся согласно правилъ Строительнаго Устава и Земскихъ обязательныхъ постановленій».

Слова агента произвели на крестьянъ впечатлѣніе и они угрюмо молчали.

— «Такъ не позволять имъ строиться по старому?»—спросилъ староста.

— «Конечно, нѣтъ! Безъ разрѣшенія и отвода мѣста волостнымъ правленіемъ никто въ селеніи строиться не можетъ. Если-же между погорѣльцами и старшиной, при отводѣ мѣсть, возникнуть несогласія, то придется обратиться за разборомъ недоразумѣнія къ Земскому Начальнику. Какъ онъ порѣшитъ, такъ и придется строиться».

— «А гдѣ-же пожарный староста?»—обратился агентъ къ сельскому старостѣ: — «я хотѣлъ его разспросить на счетъ того, какъ онъ вчера распоряжался тушеніемъ пожара. Всѣ дома подъ вѣтромъ до тла сгорѣли, а за вѣтромъ зачѣмъ-то безцѣльно, прямо бессмысленно разрушено болѣе десятка избъ».

— «Да его, ваше благородіе, дома нѣту».

— «Куда-же онъ ушелъ?»

— «Да онъ, дядя-то Семень, что въ пожарные выбранъ, завсегда съ самой весны по печной части въ городъ уходитъ».

— «Да зачѣмъ-же вы такихъ выбираете?»

— «А кого-же выбирать? Извѣстно повинность... Пришелъ его чередъ въ пожарныхъ служить, ну и выбрали. У насъ и все такъ: и десятчину, и сельскихъ, и сотскихъ—все по череду. Только, конечно, въ сельскіе выбираютъ тѣхъ, кто по-обстоятельнѣе, потому тоже съ начальствомъ дѣло имѣть приходится».

— «Да пожарный староста нуженъ вовсе не для того, чтобы какой-то необстоятельный дядя Семень или Иванъ очередь отбывалъ. Онъ нуженъ, чтобы за порядкомъ по пожарной части смотрѣть!»

— «Какая-жь у насъ пожарная часть?»—насмѣшливо переспросилъ кто-то изъ толпы:—«у насъ никакой пожарной части нѣтъ, потому здѣсь не городъ...»

— «Да вы меня не поняли. Онъ обязанъ слѣдить, чтобы вы извѣстныя предосторожности отъ огня принимали. Въ пожаръ долженъ васъ согнать на тушеніе съ тѣми орудіями и инструментами, которые у васъ на дощечкахъ нарисованы. Онъ-же долженъ и тушеніемъ пожара распоряжаться».

— «Все можетъ быть!»—согласились мужички,—«да только мы обо всемъ этомъ впервой и слышимъ. Знаемъ, что должно пожарнаго старосту выбирать, потому отъ начальства такъ приказано... А что до остального, то это насъ не касается».

— «Да, вѣдь, у васъ, кажется, до сихъ поръ и по-

жарной трубы нѣтъ, хотя я не разъ предлагалъ вамъ ее выписать».

— «Нѣтъ, нѣту-ги!»—отвѣтилъ сельскій староста.

— «Да и къ чему ее?»—заговорилъ кто-то изъ толпы,— «а вчерась на пожарѣ и труба была, Саловская, а какой отъ нея толкъ вышелъ?»

— «Какъ, какой толкъ?»

— «Да такъ! Бились это съ ней Саловцы, бились, ажъ жалко ихъ стало! Кабы не нашъ солдатъ, Иванъ Горбатовъ, безпремѣнно-бы въ огонь ее кинули».

Агентъ вызвалъ Ивана и спросилъ его обо всемъ. Тотъ объяснилъ въ чемъ было дѣло.

— «При чемъ-же тутъ труба?»—проговорилъ агентъ, когда Иванъ кончилъ:—«сами Саловцы виноваты, если не хотятъ ее содержать въ чистотѣ и порядкѣ, и не знаютъ даже какъ рукава привернуть. Да и вообще одна труба, безъ людей знакомыхъ съ дѣломъ огнетушенія, мало полезна. А что касается васъ, Спировцевъ, то я сегодня намѣренъ съ вами серьезно переговорить на счетъ трубы, и вообще на счетъ приведенія села въ болѣе сносное положеніе въ пожарномъ отношеніи. Пожары у насъ часты, а защиты отъ нихъ никакой!»

— «Да какая-же отъ нихъ защита можетъ быть? На все воля Божья!»—началъ было староста.

— «Подожди, староста!»—прервалъ его агентъ:—«я вамъ сейчасъ объясню въ чемъ дѣло. Впрочемъ, васъ здѣсь мало, а не мѣшало-бы, чтобы меня слышали всѣ. Такъ вотъ что староста: я пойду чайку попью, а ты въ это время всѣхъ домохозяевъ собери».

— «Крестьянъ только звать, али и другихъ званьевъ?»—спросилъ староста.

— «Мнѣ не нужно ни крестьянъ, ни мѣщанъ, а нужны земскіе страхователи, такъ какъ то дѣло, о которомъ я стану говорить, будетъ касаться именно нашихъ страхователей».

III.

Когда сходъ собрался, то агентъ обратился къ нему съ такими словами:

— «Случившійся на-дняхъ въ вашемъ селѣ пожаръ, доказалъ, что вы продолжаете горѣть по старому, то есть по своей винѣ и совершенно беззащитно. Вы нисколько не заботитесь, чтобы пожары были рѣдки и не опустошительны. Пожаръ, бывшій третьяго дня, окончился сравнительно благополучно только потому, что, на ваше счастье, вѣтеръ дулъ не на село, а въ поле. Дуй онъ въ обратную сторону, и вы всѣ до одного погорѣли-бы такъ-же беспомощно, какъ эти двѣнадцать несчастныхъ домохозяевъ».

— «Это справедливо! Надо благодарить Создателя!»—послышалось изъ толпы.

— «И если вы не сгорѣли всѣ третьяго дня, то нельзя быть увѣреннымъ, что не сгорите въ одинъ изъ послѣдующихъ дней, такъ какъ по прежнему неосторожны въ обращеніи съ огнемъ, при постановкѣ самоваровъ, при хожденіи на дворъ съ огарками, лучинами, а то и просто со спичками; при куреніи табаку тамъ, гдѣ навалено сѣно, солома, хворостъ; при сушкѣ хлѣба на овинахъ въ вѣтеръ на село и т. д. Ни мои личныя разъясненія, ни

предписанія, ни сами пожары не могутъ, какъ я вижу, заставить васъ быть болѣе осмотрительными и осторожными».

— «Все отъ необразованія!» неожиданно, прерывая агента, проговорилъ впереди стоящій трактирщикъ Сидоровъ:—«извѣстно, народъ темный, сѣрый, безъ понятievъ... Вонъ, къ примѣру, тѣ, которые въ городу живутъ, у нихъ другой, обиходъ. Зря тоже самоваръ въ сѣняхъ не поставятъ, а приспособятъ къ куфнѣ, чтобы прямо въ трубу тянуло. И на счетъ прочаго другого тамъ куда народъ аккуратнѣе. А въ деревнѣ, что? извѣстно мужики сами себя по глупости жгутъ, по своей неосмотрительности!»

— «Положимъ»,—продолжалъ агентъ:— «не всякій пожаръ случается по вашей винѣ. Бываютъ пожары и отъ молнii, и отъ шалости дѣтей, оставляемыхъ вами въ рабочую пору безъ всякаго присмотра, а то и отъ злого челоуѣка, то есть отъ поджога. Избѣгнуть пожаровъ вовсе—невозможно».

— Знаю невозможно! На все воля Божья! За грѣхи наши Господь пожары посылаетъ!»—послышались толки въ толпѣ.

— «Напрасно вы такъ часто Господа Бога все упоминаете. Это нехорошо, даже заповѣдью запрещено. Никто, какъ вы сами во всемъ виноваты. И вина ваша не въ грѣхахъ, а въ легкомысленномъ пренебреженіи къ разумнымъ совѣтамъ. Дѣлайте все какъ вамъ совѣтуютъ и какъ по закону слѣдуетъ, и увидите, что пожары будутъ случаться рѣдко...»

— «Это конечно! что и говорить! Да только трудно намъ себя соблюсти... Потому навыку этого нѣтъ... Какъ привыкла, къ примѣру, теперь баба самоваръ въ сѣняхъ

грѣтъ, али золу изъ печки въ уголь двора валить, такъ ты хоть убей ее, хоть коль на головѣ тещи, а она все по своему будетъ дѣлать...» замѣтилъ староста.

— Ну, на бабъ пошелъ клепать!»—раздались насмѣшливые голоса въ толпѣ.

— «Да пожары въ сущности страшны не тѣмъ, что часты»,—продолжалъ агентъ:—«а тѣмъ, что безпрепятственно, безъ всякой съ вашей стороны борьбы, уничтожаютъ все, что встрѣтится подъ вѣтромъ. Другая деревня сто лѣтъ не горитъ, да вдругъ въ одинъ часъ возьметъ, да вся сплошь и выгоритъ. Напротивъ, въ городахъ, напр., въ Петербургѣ или Москвѣ, каждый день бываетъ по нѣсколько пожаровъ, а въ годъ отъ 500 до 700 пожаровъ, но они сплошь и до тла не выгораютъ. Было время когда и они выгорали. Но тогда ихъ жители также относились къ борьбѣ съ пожарами, какъ вотъ вы сейчасъ».

— «А отчего-же это, взаправду, они горятъ часто, а пожары большіе случаются рѣдко?»—спросилъ сельскій староста.

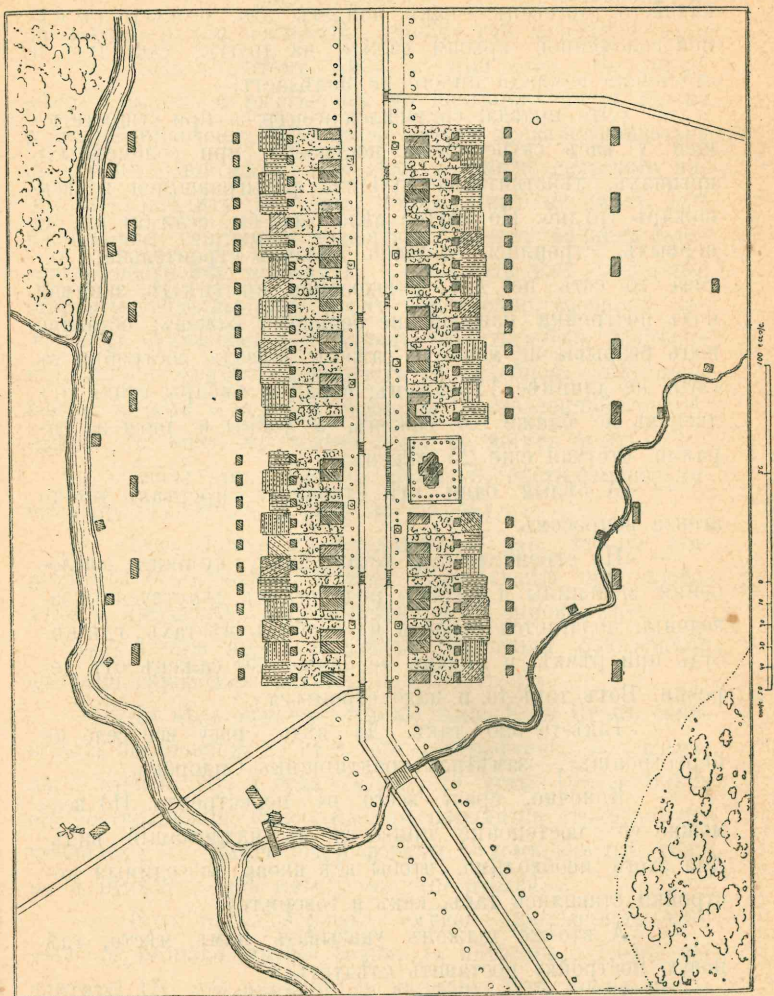
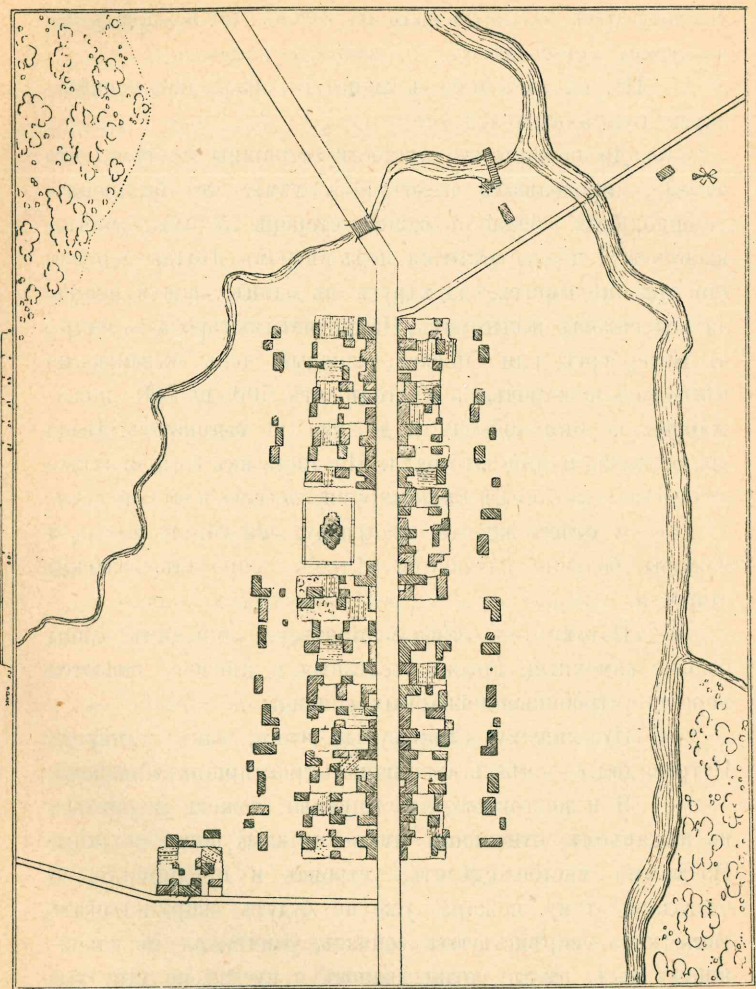
— «Потому»,—отвѣчалъ агентъ, — «что тамъ стѣны больше каменные, крыши желѣзные, и, главное, имѣются хорошо устроенныя пожарныя команды».

— «Ну, нашему Спинову до этого, какъ кулику до Петровадня!»—смѣясь, проговорилъ трактирщикъ Сидоровъ.

— «Я и не говорю, что Спиново можетъ устроиться въ пожарномъ отношеніи такъ-же, какъ наши столицы. Но можно многое сдѣлать, устроить и предпринять, и благодаря этому, пожары уже не будутъ свирѣпствовать такъ, какъ свирѣпствуютъ сейчасъ, уничтожая въ какой-нибудь часъ, цѣлые сотни дворовъ и пуская по міру тысячи людей».

Неправильное распланирование селений.

Правильное распланирование селений.

— «Ну, у насъ врядь-ли что устроишь»,—возразилъ какой-то торговецъ:—какъ пойдетъ, это, огонь-то съ одной соломенной крыши валять на другую, такъ тутъ и столичная команда ничего не подѣлаетъ!»

— «Это правда, согласился агентъ:—«при существующей у васъ скучности построекъ, при соломенныхъ крышахъ, дѣйствительно тушить разыгравшійся во всю пожаръ трудно. Но другое дѣло было-бы, если-бы вы, во первыхъ, строились согласно правилъ строительнаго устава, то есть по два домохозяина въ гнѣздѣ, занимая подъ постройки каждый не больше 7 сажень; оставляя подъ разрывы не менѣе 6 сажень; возводя постройки въ глубь не длиннѣе 12 сажень; сарай и амбары ставя отъ дворовъ не ближе 10 сажень, а овины и риги за сараями, отступя еще 25 сажень».

— «А бѣлыя бани гдѣ ставить»?—прервалъ кто-то агента вопросомъ.

— «По строительному уставу бани, кузницы, маслобойни, мельницы и разнаго рода огнемъ дѣйствующія заведенія, полагается строить на особыхъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь при рѣчкѣ, и никакъ не ближе 30 сажень отъ деревни. Вотъ такъ-то и надо строиться».

— «Такъ-то оно такъ. Да вѣдь сразу все село не перестроишь»,—замѣтилъ трактирщикъ Сидоровъ.

— «Конечно, сразу всего не перестроить. Но возможно его постепенно привести въ надлежащій видъ. Для этого необходимо, чтобы всѣ вновь возводимыя постройки ставились такъ, какъ я говорилъ».

— «А кто-же долженъ указывать намъ мѣсто, гдѣ новую постройку поставить слѣдуетъ?»

— «Волостной старшина».

— «А у насъ такой порядокъ, что міру поклонятся, да ведро воды поставятъ: строися гдѣ хочешь!»

— «Мірѣ въ этомъ дѣлѣ не при чемъ. По закону мѣста отводить и разрѣшеніе на постройку даетъ только волостное правленіе. Мірѣ-же не имѣетъ права вмѣшиваться въ строительное дѣло. Его дѣло, а также сельскаго начальства, слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не смѣлъ безъ разрѣшенія старшины строиться. А кто начнетъ самовольно постройку возводить, то сельскій или пожарный старосты обязаны объ этомъ немедленно сообщить волостному правленію. Кто началъ строиться безъ разрѣшенія, того старшина привлечетъ къ судебной отвѣтственности. А если постройка окажется поставленной неправильно, то, опять-же черезъ судъ, ее могутъ срыть».

— «Кабы такъ было, то, пожалуй, охота самовольничать пропала-бы! А у насъ по старому...»

— «Такъ знайте, съ сегодняшняго дня, что по старому строиться нельзя. Я самъ буду слѣдить при проѣздахъ и привлекать къ отвѣтственности виновныхъ».

— «А если мірѣ, не смотря на ваши разъясненія все-таки самовольно разрѣшить строиться?»

— «Да вѣдь мірѣ-то—это вы сами. Если Иванъ самовольно построился, то судъ его оштрафуетъ, положимъ, на 5 рублей. Ну, а если «мірѣ», то есть 100 человекъ его составляющіе, самовольно распорядятся строиться неправильно, то будутъ оштрафованы Судомъ каждый тоже по 5 рублей, а всѣ вмѣстѣ на 500 рублей».

— «Вотъ такъ здорово!» смѣясь—проговорилъ кто-то:—за ведро, другое водки, да пятьсотъ рублей заплатить! Ну, это намъ не по карману. Ужъ лучше мы...»

— «Самое лучшее»,—прервалъ агентъ говорившаго:—

«будетъ, если вы впередъ станете дѣлать такъ, какъ я говорю».

— «Будемъ стараться!»—отвѣчалъ староста.

— «Ограничить размѣры пожаровъ»,—продолжалъ агентъ, «можно не только разстройкой селеній, какъ я указалъ, но и расселеніемъ».

— «Какъ-же это такъ?»

— «А вотъ какъ. Когда у васъ семьи дѣлятся, то новые домохозяева строятся или тѣснясь на той-же усадьбѣ, или выѣзжая на край селенія. Такимъ образомъ растетъ селеніе и увеличивается скученность построекъ. Но можно бы дѣлать иначе. Пусть отдѣляющіеся выходятъ на совершенно особое мѣсто, куда никуда за полверсты или за версту отъ деревни, и образуютъ тамъ особый выселокъ».

— «Это, значитъ, вродѣ какъ-бы новую деревню основать?»—спросилъ кто-то.

— «Да, новую деревню. Это хорошо потому, что въ пожары сгорали-бы не всѣ домохозяева. Сгорѣлъ выселокъ—село осталось. Сгорѣло село—выселокъ остался».

— «Это вѣрно! Да только, къ примѣру, если кто одинъ отдѣлится, то вѣдь ему боязно будетъ особнякомъ жить».

— «Если боязно, то пусть ищеть товарищей. Я вамъ указывалъ на необходимость оставлять подъ разрывы, или пролеты, по 6 сажень. Но не мѣшаетъ также, дворовъ черезъ 10 или 15, устраивать болѣе широкіе разрывы, сажень въ 20—30. Если-бы вы пожелали разстроиться, какъ слѣдуетъ, то могли-бы потребовать землемѣра и онъ составилъ-бы планъ, на которомъ и указалъ гдѣ строиться и гдѣ оставлять пролеты и разрывы. Вотъ тѣ домохо-

зяева, постройки которыхъ оказались-бы на мѣстѣ этихъ разрывовъ и могли-бы постепенно выселиться изъ села и образовать новый поселокъ».

— «Да кому-же будетъ охота уходить въ поле съ родной печины?»

— «Да вѣдь я говорю, если на составленіе плана послѣдуетъ ваше согласіе, если вы пожелаете все это устроить по доброй волѣ, ради собственной пользы».

— «Ну, ладно! Къ примѣру, мы согласимся на это. Такъ, вѣдь, коли избу перенести, надо будетъ и сарай и амбары переносить. Надо колодцы рыть. А на все это сколько денегъ потребуется?»

— «Выселеніе, конечно, будетъ совершенно не сразу всѣми, а исподволь. Пришла изба въ ветхость и упадокъ, ну и строй новую въ поселкѣ. На переноску амбаровъ и сараевъ и на колодцы деньги, конечно, нужны. Просите ихъ у Земства: оно выдаетъ на выселеніе и ссуды безъ процентовъ, и безвозвратныя пособія».

— «Ишь ты, а мы и не знали! Ну, ладно. Разрывы мы понадѣлаемъ, а опосля міръ возьметъ да и разрѣшитъ на нихъ кому-нибудь строиться».

— «Чтобы разрывы какъ-нибудь опять не застроили, слѣдуетъ засадить ихъ деревьями, устройвъ вродѣ сада. Деревья слѣдуетъ садить и въ обыкновенныхъ пролетахъ и по улицѣ. Отъ нихъ въ пожаръ бываетъ большая защита».

— «Ну какая тамъ защита!»—угрюмо проговорилъ старикъ Михей Кузьминъ, погорѣвшій въ послѣдній пожаръ:—«ужъ у меня-ли не посадка была! Всякихъ деревъ самъ насадилъ, сколько хлопотъ было, пока выросилъ. Крышу всю изъ-за нихъ на избѣ сгноилъ. А случился пожаръ, и самъ не устоялъ и всѣ деревья обгорѣли».

— «Видите-ли въ чемъ дѣло. Деревья сами по себѣ, конечно, не могутъ пожара остановить и прекратить. Они только могутъ задержать быстрое распространеніе огня. Если въ селеніи нѣтъ правильнаго отнетушенія, то, дѣйствительно, деревья никого не спасутъ. Но если селеніе будетъ имѣть трубу и пожарную команду, то, при хорошей обсадкѣ пролетовъ и улицъ деревьями, борьба съ пожаромъ будетъ легка. Вѣдь, труба и люди не могутъ прибыть на пожаръ немедленно. Пока они собираются, пожаръ, особенно при соломенныхъ крышахъ, можетъ такъ распространиться, что съ нимъ и не совладаешь. А вотъ будь обсадка, она не дастъ огню сразу перейти на сосѣдній домъ. Глядишь, а въ это время люди и подоспѣли! Изъ-за деревьевъ имъ работать будетъ легче, такъ какъ не такъ жарко, а потому они скорѣе пожаръ и потушатъ. Такъ вотъ для чего нужно садить деревья».

— «А, вѣдь, это правильно вы говорите, баринъ! Домъ отъ дяди Михея долго стоялъ. И загорѣлся послѣ Горбатовыхъ и Сидора не онъ, а дальше его, черезъ домъ, отъ искры, а онъ-то загорѣлъ ужъ онося, какъ огонь сталъ жарить съ обѣихъ сторонъ».

— «Ну, вотъ, видите! Вообще, польза обсадки велика, но только тогда, когда вмѣстѣ съ этимъ есть люди, которые занимались-бы настоящимъ тушеніемъ пожара, а не бесполезной ломкой избъ, какъ бываетъ у васъ. Вообще, для успѣшности борьбы съ пожарами, необходимо устроить все такъ, чтобы и огонь медленно распространился, и чтобы его умѣло и своевременно тушили».

— «Непремѣнно, ребята, нонѣ надо деревьевъ посадить!»—обратился староста къ сельчанамъ: — «потому съ

осени они лучше принимаются, а по веснѣ надо будетъ полить ихъ водою пока что, а тамъ сами пойдутъ».

— «Замедлить распространеніе огня»,—продолжалъ агентъ,—«можно и не одними разрывами и посадкой деревьевъ, а такъ-же устройствомъ стѣнъ ихъ огнестойкихъ матеріаловъ. Стѣны можно строить или изъ кирпича, или глинобитныя. А крыши можно устраивать желѣзныя, толевыя, черепичныя, а то глинянно-соломенные. Вы сами знаете, какъ быстро огонь распространяется при деревянныхъ стѣнахъ и соломенныхъ крышахъ. Ну, а еслибы вы устроили хотя-бы только огнестойкія крыши, то и тогда огонь не зажигалъ-бы сосѣднія зданія такъ быстро. И опять-же, благодаря этому, было-бы легче тушить пожары».

— «Все это такъ»,—замѣтилъ трактирщикъ Сидоровъ:— «да гдѣ-же мужичку строить каменные избы, да еще съ желѣзными крышами? Вонъ, къ примѣру, они погорѣли»,—онъ кивнулъ головой на погорѣльцевъ:—«ну имъ, значить и статья подходитъ строиться такъ, какъ вы говорите. А гдѣ-же у нихъ для этого капиталы? И бревенчатыя-то избышки, съ соломенными крышами, имъ поставить трудно, а не только что каменные, съ желѣзными крышами».

— «Все это такъ, отвѣчалъ агентъ:—«дѣйствительно нельзя требовать отъ бѣдныхъ крестьянъ постройки каменныхъ построекъ съ желѣзными крышами, потому что они дороги. Но можно возвести огнестойкія постройки изъ болѣе дешевыхъ матеріаловъ».

— «Изъ какихъ-же это?»

— «Какъ стѣны, такъ и крыши можно дѣлать глинянно-соломенные. Можно даже просто обыкновенныя бревенчатыя стѣны и соломенные крыши покрывать снаружи растворомъ глины».

— «Да мы, ваше благородіе, съ этимъ дѣломъ не свычны. Не знаемъ какъ и приступиться».

— «Какъ все это дѣлается сейчасъ рассказывать было бы долго. Но если кто-нибудь изъ васъ серьезно пожелаетъ такія постройки возвести, то, пожалуй Земство пришлетъ къ вамъ мастера, который васъ этому дѣлу и обучить».

— «Такъ. А способно-ли въ такой избѣ жить будетъ?»—спросилъ кто-то:—«вонъ у насъ въ Яковлевской волости въ каждой деревнѣ по нѣсколько кирпичныхъ избъ есть, да только въ нихъ по зимамъ никто не живетъ, потому холодно и сыро».

— «Это все зависитъ отъ мѣстности. Въ нашей полосѣ они, пожалуй, для жилья будутъ не здоровы. Но вполне пригодны для холостыхъ построекъ. Въ южныхъ-же губерніяхъ, гдѣ воздухъ болѣе сухъ, лѣто жаркое, а зима теплая, такія избы очень распространены».

— «А у насъ врядъ-ли они пойдутъ»,—замѣтилъ Сидоровъ,—«на югѣ-то лѣсу не хватка, а у насъ пока не весь перевелся, такъ нужды и нѣтъ въ глину лѣзть».

— «Да, вѣдь, я и не говорю, чтобы вы непременно въ глину лѣзли. Я лишь говорю, что огнеупорныя постройки замедляютъ распространеніе огня. А если вы хотите добиться только этого, то и не нужно обязательно всѣмъ строиться изъ огнестойкихъ матеріаловъ. Достаточно будетъ, если такія постройки возвести только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ, онѣ являлись-бы своего рода брандмауерами и помогали-бы въ дѣлѣ тушенія такъ-же, какъ разрывы и деревья».

— «Что-жъ, это дѣло хорошее! Да только врядъ-ли чтобы изъ нашихъ мужичковъ охотники до такой стройки нашлись. Вотъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, тамъ это, дѣй-

ствительно, будетъ дѣломъ подходящимъ. А для насъ неспособно»,—упорствовали трактирщикъ.

— «Ну, поживемъ—увидимъ, можетъ быть охотники и найдутся»,—улыбаясь отвѣтилъ агентъ.

IV.

— «Теперь», — проговорилъ, немного помолчавъ, агентъ:—«перейдемъ къ огнетушенію. Огнетушеніе—это наиглавнѣйшій способъ борьбы съ краснымъ пѣтухомъ. Въ вѣтеръ огонь кидаетъ на громадныя разстоянія, и бывали случаи, что отъ одной деревни сгорали и сосѣднія, расположенныя въ одной—двухъ верстахъ. Сгораютъ и кирпичныя дома, съ желѣзными крышами. Сгораютъ не только жидкія обсадки, но даже сады и цѣлые лѣса. Однимъ словомъ, разрывы, огнестойкія матеріалы стѣнъ и крышъ, обсадки деревьями, пруды и колодцы т. д. имѣютъ значеніе въ борьбѣ съ пожарами только тогда, когда вмѣстѣ съ ними въ селеніи существуетъ правильное и сильно устроенное огнетушеніе. Безъ него-же все это во все не страшно красному пѣтуху, и онъ свободно разгуливаетъ, испепеляя все, что попадаетъ ему на пути. Я уже говорилъ вамъ, что главная польза разрывовъ, обсадки и огнестойкихъ стѣнъ и крышъ, заключается лишь въ томъ, что они замедляютъ распространеніе огня. Но чтобы совсѣмъ остановить распространеніе его, нужно огонь тушить. Понятно, съ голыми руками съ огнемъ бороться не мыслимо».

— «Что и говорить!»—подтвердилъ трактирщикъ Сидоровъ:—«развѣ краснаго-то пѣтуха голыми руками схватишь!»

Агентъ на слова трактирщика улыбнулся и спросилъ:—
«Ну, а есть-ли у васъ то, съ чѣмъ можно было-бы помѣ-
риться силами со страшнымъ краснымъ пѣтухомъ?»

— «А какъ-же! есть... общественный струментъ...»
серьезно отвѣтилъ староста...

— «Какой это струментъ?»—улыбаясь, переспросилъ
агентъ:—«ужъ не то-ли ужасное дреколье, которое ва-
ляется около пожарища?»

— «Оно самое и есть!»

— «Ну, съ этими инструментами краснаго пѣтуха не
поборишь! И неужели у васъ, кромѣ 4 багровъ и 1 ухвата
нѣтъ болѣе никакого пожарнаго инструмента?»

— «Нѣтъ, пѣту-ти!»

— «Такъ какъ-же вамъ послѣ этого, не горѣтъ въ
каждый пожаръ всѣмъ подь-рядъ, сколько не окажется до-
мовъ подь вѣтромъ. Нѣтъ братцы, такъ жить нельзя!
Ваша безпечность прямо преступна. Вѣдь, вы цѣлую
жизнь трудитесь, не покладая рукъ, наживая кое-какіе
достатки. И возможно-ли допускать, чтобы краснѣйшій пѣ-
тухъ уничтожалъ всѣ запасы и накопленія вашихъ мно-
голѣтнихъ трудовъ, безъ всякой борьбы съ вашей сто-
роны. Ужъ если вы цѣлую жизнь въ потѣ лица вашего
наживаете ваше добро, то неужели не можете прило-
жить немного старанія и къ тому, чтобы защитить его
отъ всепожирющаго краснаго пѣтуха? Или вамъ, быть
можетъ, не жаль вашего добра, бесполезно пропадающаго
въ пожары?»

— «Какъ не жаль!»—заговорилъ въ отвѣтъ какой-то
старикъ:—«то-же, какъ справедливо вы говорите, не
легко, вѣдь, намъ все достается. Погорѣть-то не долго,
а вотъ постройся, такъ узнаешь Кузькину мать,

какъ ее звать! Всѣ жилы, всѣ соки изъ нея повытянешь, и то
не хватитъ? Въ кабалу себя отдашь, да и то не справишься.
Извѣстное дѣло кто съ пожара богатѣеть!» Старикъ
вздыхнулъ и поникнулъ головой. Видно было, что ему на
себѣ пришлось испытать всю тяжесть пожарнаго несчастія.

— «Ну, вотъ, видите!»—заговорилъ агентъ:—«сами
значить, хорошо понимаете, что отъ пожара только хуже
вамъ дѣлается. Такъ отчего-же тогда вы не заботитесь о
томъ, чтобы хоть маленько ослабить тяжесть пожарнаго
бѣдствія?»

— «Да мы рады-бы, да не знаемъ какъ, и что нужно
для этого сдѣлать»,—проговорилъ староста.

— «Мало-ли для этого способовъ! Вотъ сколько ужъ
разъ я говорилъ и старостѣ и нѣкоторымъ страховате-
лямъ, что нужно-бы трубу купить, а у васъ ее до сихъ
поръ нѣтъ. Почему?»

— «Конечно, трубу купить можно. Не велика ея и
стоимость. И деньги завсегда найдутся»,—заговорилъ ста-
роста, — «только, позвольте спросить васъ, ваше благо-
родіе, что толку-то въ ней?»

— «Какъ, что толку?»—недоумѣвающе переспросилъ
агентъ.

— «Да такъ! Посмотрѣли-бы вы, какъ по-завчерасъ
на нашемъ пожарѣ Саловцы со своей трубой возились:
просто смѣхъ и горе! Пока такъ-то будешь съ трубой
возиться, такъ все село сгорѣтъ успѣеть».

— «Я давече уже вамъ говорилъ по поводу Саловцевъ
и ихъ трубы. Да они вамъ и не примѣръ. И если Салов-
ская или чья другая труба неисправна, вслѣдствіе пло-
хого ухода, то изъ этого вовсе еще не значить, что всѣ
трубы вообще бесполезны».

— «Это, конечно»,—подтвердил трактирщикъ.

— «Труба для чего нужна?»—продолжалъ агентъ,— «для того, чтобы изъ нее воду на горящее строеніе лить. Прежде воду лили при тушеніи пожаровъ прямо изъ ведеръ. Но далеко-ли докинешь воду изъ ведра?»

— «Далеко-ли что и говорит! Да еще по дорогѣ половину воды зря на землю разольешь»,—отвѣтилъ трактирщикъ.

— «А труба тѣмъ и хороша»,—продолжалъ агентъ,— «что она можетъ кидать воду на двадцать — тридцать аршинъ и въ длину, и въ высоту, и въ какую угодно сторону. И ведро воды, прошедшее черезъ пожарную трубу, принесетъ гораздо больше пользы, нежели будучи вышеснута просто изъ рукъ».

— «Все это справедливо!»—опять подтвердилъ трактирщикъ:—«только одного я не пойму: незамѣтно что-то, чтобы тамъ, гдѣ трубы имѣются, въ пожары меньше дворовъ стало горѣть».

— «Это объясняется очень просто»,—поспѣшилъ отвѣтить агентъ, — «одна пожарная труба еще не представляетъ изъ себя той силы, которая требуется для успѣшной борьбы съ пожарами. Она тогда сильна и полезна, когда ею управляютъ умѣлые люди, когда она хорошо бываетъ обеспечена водой, когда съ нею во время явятся на пожаръ. Пока горитъ одинъ дворъ, кучка людей съ одной трубой легко съ пожаромъ справится. Но если труба пріѣдетъ, когда горитъ 10 — 20 домовъ, то борьба для нея будетъ уже непосильна. Большинство сельскихъ трубъ потому и малополезны, что при нихъ нѣтъ людей, знающихъ огнетушеніе. Безсильны они въ борьбѣ съ пожарами и потому, что обыкновенно бездѣйствуютъ, за не-

достаткомъ воды. Вообще труба имѣетъ смыслъ и принесетъ пользу только тогда, когда будетъ составлять часть обоза, состоящаго изъ нѣсколькихъ бочекъ, нѣсколькихъ десятковъ ведеръ и набора разнаго рода огнегасительныхъ инструментовъ, и будетъ находиться въ распоряженіи настоящей пожарной команды».

— «Все это можетъ и такъ!»—перебилъ агента трактирщикъ!—«да только гдѣ-же намъ взять эту команду? Вотъ въ городахъ большіе доходы, ну имъ и можно и команду имѣть, и обозъ, и лошадей, и прочее. А гдѣ-же все это нашему бѣдному небольшому селу завести!»

— «Это вѣрно, Сидоровъ»,—отвѣчалъ агентъ:—«селу въ 120 дворовъ невозможно завести такую-же пожарную команду, какія имѣются въ городахъ. Но развѣ нельзя устроиться какъ-нибудь иначе?»

— «А какъ-же это такъ?»—переспросилъ его трактирщикъ.

— «Да очень просто. По закону, сельскіе жители обязаны натурой отбывать пожарную повинность, являясь лично и съ собственными орудіями и лошадьми для тушенія пожаровъ. Значитъ, вы, всѣ Спировцы въ сущности, ни что иное, какъ громадная пожарная команда!»

— «Вотъ такъ ловко! А мы никогда этого и не знали. Значитъ, ребята, мы теперь всѣ пожарные!»—начались толки въ толпѣ.

— «Да, по закону, вы всѣ пожарные. Но только надо прямо сказать, плохіе пожарные. Вотъ если-бы васъ сформировать въ отряды, да обучить огнетушенію, изъ васъ, быть можетъ, вышли-бы и порядочные пожарные».

— «Да вы, ваше благородіе, серьезно, или это такъ, смѣхомъ?»—спросилъ агента какой-то молодой мужикъ.

— «Ничего не смѣхомъ»,—отвѣчалъ агентъ.—«Вѣдь у васъ на избахъ есть дощечки?»

— «Есть».

— «А что на нихъ нарисовано?»

— «Мало-ли что: багры, ухваты, ведра, лопаты, топоры, лѣстницы, ушаты, бочки, лошади».

— «А для чего все это нарисовано?»

— «Сказываютъ старики, что было это при нихъ заведено, чтобы каждый зналъ съ чѣмъ ему идти на пожаръ».

— «Ну, вотъ видите!»

— «Такъ, вѣдь, этотъ порядокъ при старикахъ былъ! А теперь у насъ общественный инструментъ имѣется и потому мы не обязаны ни съ чѣмъ являться».

— «Ну, это ты врешь! Вы и теперь обязаны являться на пожары съ тѣми орудіями и инструментами, которые нарисованы у васъ на дощечкахъ».

— «Да какъ-же, мы это сдѣлаемъ, коли на дощечкѣ-то это правда нарисовано, а у меня въ хозяйствѣ такой вещи и не бывало. Къ примѣру, у меня нарисована бочка на колесахъ, а у меня ее отродясь не бывало. Али вонъ у тетки Акулины лошадь нарисована. Была у нихъ и лошадь, пока дядя Федоръ живъ былъ. А теперь Акулина что?—бобылка—одно званіе, у нея не только, что лошади, а и собаки-то на дворѣ нѣтъ».

— «Это онъ правильно говорить»,—подтвердилъ трактирщикъ:—«и если теперь взять, да всѣ двory обойти, то ни у кого не найдется тѣхъ вещей, что на доскахъ нарисованы, развѣ вотъ топоры, да ведра, али кадки—тѣ найдутся, а что прочее, о томъ и не спрашивай! А кто недавно построившись, или отдѣлившись, такъ у тѣхъ

и вовсе на избахъ дощечекъ нѣтъ, и имъ никто никакого инструмента не опредѣлялъ».

— «А я хотѣлъ было предложить вамъ, чтобы вы всѣ имѣющіеся у васъ инструменты и орудія, т. е. такія, какія на дощечкахъ нарисованы, снесли въ одно мѣсто, въ общественный сарай, и такимъ-бы образомъ у васъ составился довольно порядочный обозъ. А затѣмъ, для присмотра за обозомъ и для работъ имъ на пожарахъ, вы назначили-бы изъ среды своей очередныхъ. Такъ человѣкъ пятьдесятъ, шестьдесятъ».

— «Нѣтъ, баринъ, этого никакъ невозможно сдѣлать!»—проговорилъ староста.

— «Чего невозможно?»

— «Да инструментъ-то собрать, потому, какъ мы тебѣ докладываемъ, его у насъ и нѣту».

— «Мало-ли, что нѣтъ! По закону долженъ быть. Начальство васъ заставитъ его завести».

— «Что-жъ, начальство, вѣрно, насъ къ этому принудить можетъ. Ну, а толкъ-то какой выйдесть?»

— «Какъ какой?»

— «Да такъ! Ну заведемъ, положимъ, мы свой инструментъ. Но я знаю, никто его въ общественный сарай и не подумаетъ положить, а будетъ держать при себѣ. Потому тамъ его могутъ украсть, или сломать зря, или потерять, а ты опять его заводи! Ну, ладно, пусть оставятъ его дома. Хорошо. Случится пожаръ. Такъ неужели ты думаешь, что такъ всѣ мужики возьмутъ этотъ свой инструментъ, да прямо съ нимъ на пожаръ! Какъ-бы не такъ! Нѣтъ, баринъ хорошій, всякій хозяйственный мужикъ напередъ свое добро начинаетъ вытаскивать, скотину спасать и прочее. Да и опять то. Пожары больше бываютъ лѣтомъ.

А въ то время всѣ мужики либо въ полѣ, либо на покосѣ. Пока изъ поля-то бѣгутъ, глядь, а ужъ полдеревни и нѣтъ. Другой къ дому-то подбѣжить, а тамъ головешки ужъ. Ну такъ вотъ и скажи теперь, какой-же толкъ выйдеть, коли мы струментъ свой заведемъ?»

— «Отчасти ты правъ, староста. Когда собственный домъ загорится, то тогда инструментъ, можетъ быть, окажется бесполезнымъ, такъ какъ каждый будетъ стараться спасти свое добро. Но, вѣдь, надо спасать то, чему неминуемо горѣть. А, вѣдь, вы спасаетесь всѣ: и тѣ кому горѣть, и кому пожаръ вовсе не угрожаетъ. Ну вотъ третьяго дня, напримѣръ: вы спасались всѣ?»

— «Знамо всѣ вытаскивались. Потому, вѣтеръ могъ на село повернуться. Всѣмъ-бы тогда горѣть! Развѣ не бываетъ такъ?»

— «Конечно, все можетъ быть. Да только я не объ этомъ говорю. По моему, бѣжать прямо домой и спасать свое имущество долженъ только тотъ, кому неминуемо горѣть. Остальные-же хозяева, постройки которыхъ расположены за вѣтромъ или на другомъ посадѣ, или вообще въ противоположномъ концѣ деревни, обязаны, захвативъ дома пожарные инструменты, прежде всего бѣжать на пожаръ, чтобы попробовать потушить его въ самомъ началѣ. И вотъ, если послѣ нѣкоторыхъ усилій, окажется, что бороться съ пожаромъ не подъ силу, тогда и бѣгите домой. Вѣдь, если пламя не можетъ захватить ваши избы моментально и имъ предстоитъ загорѣться черезъ извѣстный промежутокъ времени, то за это время бабы и безъ васъ все повытаскаютъ».

— «Это правильно!»—подтвердилъ староста.

— «Ну, вотъ видите! Значитъ и нѣтъ ужъ крайности

прежде всего бѣжать домой, а не на пожаръ. Есть пословица, что «если огонь упустишь, то и не потушишь». И вотъ вы, пока бѣгаете домой спасать рухлядь, огонь упускаете, а потому послѣ и не можете потушить».

— «Это правильно! Что и говорить! Отъ себя горимъ, потому не знаемъ, что и какъ дѣлать»,—вставилъ какой-то торговецъ.

— «А дѣлать надо одно: тушить пожаръ возможно скорѣе и искуснѣе».

— «Да голыми-то руками не больно много натушишь»,—замѣтилъ трактирщикъ.

— Я къ тому рѣчь свою веду, что голыми, да неумѣлыми руками съ краснымъ пѣтухомъ бороться нельзя. Онъ только съ тѣмъ и храбръ и безопаденъ, кто не имѣетъ ни необходимыхъ инструментовъ, ни знающихъ людей для борьбы съ нимъ. Возьмите въ примѣръ Москву и Петербургъ. И они нѣкогда, когда какъ и Спирово, не имѣли ни пожарныхъ обозовъ, ни наемныхъ командъ, выгорали очень часто, чуть не сплошь. А теперь обзавелись хорошими обозами, паровыми машинами, водопроводами, хорошо обученными командами и для нихъ красный пѣтухъ сталъ вовсе не страшень. Пожары въ столицахъ, хотя и часты, въ день по нѣсколько бываетъ, но большіе пожары, тамъ очень рѣдки. Обыкновенно-же бываетъ такъ. Горитъ какой-нибудь большой, многоэтажный каменный домъ. Въ одной квартирѣ пожарные огонь тушатъ, а въ другой жильцы спокойно себѣ сидятъ, да часекъ попиваютъ. А почему? Да потому, что они знаютъ, что если команда прибыла своевременно, то и пожару конецъ, и беспокоиться нечего». «Конечно, вамъ невозможно такую-же команду и обозъ завести, какъ въ столицахъ,

но вы можете имѣть то, что вамъ необходимо и доступно по средствамъ».

— «То есть что-же?»

— «Если вамъ дѣйствительно неудобно, или затруднительно завести каждому собственные инструменты, то возможно было-бы завести просто общественный обозъ—изъ трубы, нѣсколькихъ бочекъ, ведеръ, топоровъ, багровъ и т. д.»

— «Завести-то можно, а денегъ откуда взять?» — спросилъ староста.

— «Да у васъ мірскіе доходы есть?»

— «Знамо есть!»

— «А много-ли?»

— «Да съ одного меня, обѣднаго, шестьсотъ цѣлковыхъ въ годъ асниды деруть»,—зло проговорилъ трактирщикъ»,—«да съ лавочниковъ, да съ заведеніевъ тамъ разныхъ и прочее...»

— «Староста! сколько-же всего у васъ дохода?»

— «Да рублевъ около восьмисотъ будетъ!»

— «Куда-же вы такую уйму денегъ дѣваете?»

— «Какъ куда? Знамо въ подати. Потому Земскій Начальникъ приказали, чтобы ихъ заносить въ казенную недоимку. Ну, а наши мужики, известное дѣло, какъ узнали объ этомъ, такъ изъ своихъ денегъ огладь-то и перестали уплачивать, да и пошла все недоимка да недоимка! Такъ кабацкія деньги полностью въ недоимку и идутъ».

— «Но, въ такомъ случаѣ, у крестьянъ лишніи деньги на рукахъ остаются».

— «Какое! Кто чай пьетъ, у тѣхъ на чай да сахаръ уходятъ, а кто другіе... тѣ назадъ ихъ, значитъ, въ кабакъ несутъ...»

— «Ну, вотъ видите, братцы! На что другое у васъ и деньги есть, а какъ на страховку, или на пожарную трубу, такъ нѣтъ... Постой-же! теперь я знаю какъ съ вами надо дѣло вести. Вотъ вамъ мой сказъ: извольте на мірскія деньги завести настоящей пожарной обозъ изъ 1 трубы, 1 конной двухъ-колесной бочки, 3 ручныхъ бочекъ, 10 пеньковыхъ ведеръ и т. д. Я дамъ вамъ подробный списокъ всѣхъ предметовъ обоза. Но знайте, что если только вы не исполните моего предложенія и въ нынѣшнемъ-же году не заведете обоза, то съ 1 Января страховой платежъ на ваше село будетъ увеличенъ на $\frac{1}{4}$ копѣйки».

— «За что-же это?»

— «А за то, что вы не хотите принимать мѣръ къ сокращенію пожарнаго обѣдствія. Вѣдь отъ него страдаете не только вы, но и страховой капиталъ. Вотъ за послѣдній пожаръ придется выдать немного, всего двѣ тысячи рублей. А сгори все село съ лавками, трактиромъ и духовенствомъ, тогда нужно было-бы уплатить за убытки свыше пятидесяти тысячъ. Вѣдь торговцы и богатѣи, живущіе вблизи церкви, страхуются не такъ, какъ вы. У всѣхъ дома застрахованы по добровольному. Да кромѣ того, застрахована и вся движимость и товаръ. Такъ, вотъ, чтобы оградить страховой капиталъ отъ чрезвычайныхъ убытковъ, я и предлагаю вамъ: или улучшить пожарную часть, заведя пожарный обозъ, или платить дороже за страхование имущества».

— «А сколько-же тогда село будетъ лишняго платить?»

— «Считайте сами: четверть копѣйки на рубль, это значитъ, 2 р. 50 к. съ тысячи, а съ пятидесяти тысячъ общаго риска будетъ 125 рублей въ годъ».

— «Порядочно таки! Ну, а во сколько станетъ намъ этотъ вашъ обозъ-то?»

— «Да не дешевле пятисотъ рублей, если все сдѣлать хорошо и прочно».

— «Какъ будто дороговъно это для насъ...»—вкрадчиво проговорилъ трактирщикъ.

— «Ничего не дорого»,—отвѣчала агентъ:—«вѣдь получаютъ они съ тебя по шестьсотъ въ годъ, и не кажется имъ это дорогимъ».

— «Что ужъ объ этомъ имъ говорить! Одно слово—аспиды!»—вздохнувъ проговорилъ трактирщикъ.

— «Да, вѣдь, Земскій Начальникъ приказали кабацкія деньги въ недоимку заносить»,—заговорилъ староста,—«они врядъ-ли позволятъ ихъ на обозъ тратить».

— «Ну, съ Земскимъ Начальникомъ я объ этомъ самъ спшусь. А впрочемъ, вѣдь, и не нужно сразу затрачивать всѣ 500 рублей. Если хотите, то можно эти деньги неходатайствовать у Земства въ безпроцентную ссуду на 5 лѣтъ. А потомъ уплатить по сто рублей въ годъ изъ мірскихъ доходовъ будетъ не трудно».

— «Ну, а какъ вдругъ съ будущаго года-то казенные кабаки въ нашей губерніи откроются! Тогда какъ!»—спросилъ трактирщикъ.

— «Тогда придется вамъ изъ своихъ средствъ ссуду уплатить. Земство расчислитъ долгъ по страховкѣ. Кто страхуетъ подороже, тому придется и уплатить побольше, а кто дешевле — тотъ поменьше. Въ среднемъ на каждаго въ годъ придется платить копѣекъ по 35».

— «Что-жъ и такъ можно!»—согласился староста:—«платежъ будетъ не великъ, не раззоритъ насъ. Только разъ другой въ трактиръ не сходить...»

— «Ну, такъ вотъ вы пообдумайте это дѣло на общемъ сходѣ. Если согласитесь, то составьте приговоръ объ этомъ, а для исходатайствованія отъ Земства ссуды нужно составить отдѣльный приговоръ. Оба приговора пришлите ко мнѣ».

— «Ладно, подумаемъ! Посовѣтуемся! За нами дѣло не станетъ! Да сейчасъ-бы прямо и приговоръ!»—загадѣла толпа. Нѣкоторые изъ хозяевъ начали снимать шапки и кланяться агенту, очевидно собираясь уйти. Замѣтивъ это, агентъ громко крикнулъ:

— «Вы куда это? Нѣтъ, постойте! Наскучило, видно, меня слушать. Ну дѣлать нечего, ужъ послушайте и еще минутъ пять—десять».

— «Чтожъ, мы ничего! Подождемъ. Очень пріятно хорошія рѣчи послушать»,—раздалось въ отвѣтъ изъ толпы.

— «Съ обозомъ мы дѣло почти покончили. Но, вѣдь, какъ вы помните, я говорилъ, что безъ знающихъ огнетушеніе людей, то есть безъ команды, инструментъ пользы большой въ борьбѣ съ пожарами не принесетъ. Ужъ если дѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, то надо и команду составить».

— «Да гдѣ-жъ намъ, ваше благородіе, еще и команду завести!»—заговорилъ Сидоровъ:—«развѣ здѣсь городъ? Развѣ у насъ большія средства? Нѣтъ ужъ, явите такую Божескую милость, ослобоните вы насъ отъ команды».

— «Ты, Сидоровъ, все свое! Не выслушаешь, а говоришь. Да развѣ я предлагаю вамъ завести такую-же наемную команду, какія въ городахъ имѣются? Вовсе нѣтъ! Я понимаю, что въ небольшихъ селахъ имѣть наемную команду невозможно, но отчего-бы не попробовать составить команду изъ добровольцевъ?»

— «То есть какъ это?»

— «А такъ! Неужели среди васъ нѣтъ такихъ людей, которые любили-бы на пожарахъ работать?»

— «Какъ не быть. Тотъ-же Сидоровъ ни одного пожара ни за что не пропуститъ»,—отвѣчалъ староста.

— «Ну вотъ и прекрасно. Одинъ ужъ есть, а другой, навѣрное, найдется. А какъ будутъ два человѣка, то они съумѣютъ и цѣлую команду набрать. Были-бы лишь одинъ—два человѣка, которые имѣютъ къ пожарной работѣ охоту, да любятъ это дѣло, а ужъ другихъ они убѣдятъ съумѣютъ».

— «Это конечно, что и говорить!»

— «Такъ вотъ. Когда я уѣду, а вы соберетесь на сходѣ объ обозѣ толковать, то за одно ужъ и на счетъ команды переговорите. Можетъ быть и найдутся желающіе стать пожарными. Конечно, ваша команда, или лучше будемъ ее звать, какъ въ другихъ мѣстахъ зовутъ, *пожарная дружина*, не будетъ походить на городскую наемную команду. Тамъ пожарные только и знаютъ одну пожарную службу и ничѣмъ инымъ не занимаются. И живутъ они безотлучно при пожарныхъ депо. А ваши пожарные дружинники обыкновенно будутъ заниматься своимъ обычнымъ крестьянскимъ дѣломъ, жить дома, и только иногда, по праздникамъ, собираться къ пожарному сараю, чтобы научиться дѣйствовать пожарными инструментами. Да въ случаѣ несчастія, они будутъ первыми спѣшить на пожары и тамъ при помощи обоза, тушить ихъ. Сейчасъ у меня нѣтъ времени подробно говорить о томъ, какъ слѣдуетъ все устроить. Объ этомъ я поговорю съ вами въ другой разъ. Однимъ словомъ, если на сходѣ рѣшатъ завести обозъ и пожарную дружину, то я опять къ вамъ пріѣду и все устрою самъ».

V.

Въ тотъ-же вечеръ въ трактирѣ Сидорова собралось не мало Спировцевъ. Разговоръ шелъ все о пожарномъ обозѣ и дружинѣ. И какъ ни странно, но трактирщикъ Сидоровъ, мужикъ не глупый и какъ говорится «себѣ на умѣ», старался доказать Спировцамъ, что агентъ говорилъ «все пустое». По его мнѣнію, всѣ затѣи на счетъ обоза и дружины ни къ чему хорошему не приведутъ, такъ какъ Спировцы народъ сѣрый и заниматься пожарнымъ дѣломъ не будутъ. Да и нѣтъ такого человѣка, который взялъ-бы на себя обузу по устройству дружины.

— «А ты-то на что?»—говорили ему мужички:— «вѣдь, ты-жъ охочъ на пожарахъ работать».

— «На пожарахъ работать это особъ статья. Съ обозомъ-то, да съ дружиной, думаете, мало дѣловъ будетъ?»

— «Знамо, присмотрѣть будетъ нужень. И тоже порядокъ во всемъ чтобы быть».

— «Ну, то-то и оно-то! У меня у самого дѣловъ по горло, такъ гдѣ-же мнѣ еще съ вашей командой путаться. Да и не къ чему все это! Старики безъ этого обходились, думаю, и мы какъ-нибудь обойдемся. Ужъ лучше подо-роже застраховаться, чтобы убытку отъ пожара не потерпѣть. Да и кто отъ пожара въ убыткѣ бываетъ? Одни дураки, которымъ лѣнь, или жаль все добро застраховать. Право! Вонъ мой шуринокъ застраховалъ домъ въ три тыщи, а на постройку и двухъ не извелъ. Положимъ, онъ мужикъ ловкій, хозяйственнымъ путемъ строился, все во время закупилъ, да запасъ. Глядь, и сгорѣлъ! Получилъ это онъ три тыщи, да домъ-отъ еще лучше и больше

прежняго поставилъ. Ну, а что-жь въ этомъ дѣлѣ команда? Она вѣдь все равно денегъ не дастъ, коли сгоритъ».

Ярымъ защитникомъ агента и его предложеній неожиданно для всѣхъ явился солдатъ Иванъ Горбатовъ. Во время бесѣды съ агентомъ, онъ въ разговоръ не вмѣшивался, такъ какъ считалъ себя молодымъ. Пусть, молъ, тѣ говорятъ, кто постарше. Да и солдатская служба приучила его передъ «начальствомъ» молчать, а не разговаривать. Хотя агентъ, по его понятіямъ, и не былъ начальникомъ крестьянъ, но все-же былъ начальникомъ «своей части», т. е. «пожарно-страховой», а потому Иванъ и не считалъ удобнымъ вмѣшиваться въ разговоръ. Теперь-же, въ трактирѣ, передъ своими односельцами, напротивъ, онъ являлся, такъ сказать, значительнымъ чело-вѣкомъ, «послужившимъ Царю и отечеству» и выдавшимъ разные виды. Поэтому къ его словамъ крестьяне относились внимательно и довѣрчиво. На послѣднія слова трактирщика, Иванъ отвѣчалъ:

— «Хорошо тебѣ, Сидорычъ, такъ разсуждать. Ты всегда при деньгахъ, и тебѣ ничего не стоитъ страховку какую угодно уплатить; все равно апосля эти деньги съ насъ-же сдерешь! А много-ли въ селѣ такихъ богатѣевъ? Вѣдь, у доброй половины хозяевъ своего хлѣба до новаго года едва хватаетъ. Бьются, какъ рыба объ ледъ. Такъ откуда-жь имъ денегъ на страховку добыть?»

— «Ну, а обозъ-то этотъ, али тамъ дружина, дадутъ имъ денегъ на постройку, что-ли?»

— «Да они вовсе не для этого. Загорится Иванъ, а обозъ да команда его и потушатъ, а другіе цѣлы останутся. Пусть Иванъ бѣденъ. Такъ тогда тѣмъ, кто цѣль

остался, не трудно будетъ ему и помочь. Съ міра по ниткѣ, а голому рубашка! Вонъ мы съ полкомъ стояли въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Такъ тамъ есть такія кассы вспоможенія послѣ пожаровъ. Одинъ сгорѣлъ, а всѣ другіе члены ему должны доставить и бревень, и досокъ и соломѣ и все прочее. Конечно, это легко сдѣлать, когда одинъ сгоритъ, а всѣ остальные цѣлы останутся. Ну, а пригори всѣ, ужъ тутъ другъ другу не поможешь! Такъ, вотъ, обозъ-отъ и надобень для того, чтобы не давать всѣмъ горѣть. Ну сгоритъ одинъ или два хозяина, не бѣда! Другіе авось помогутъ имъ изъ бѣды вызволиться».

— «Это правильно ты, Иванъ, говоришь»,—поддержалъ его староста:—«и насчетъ кассы вспоможенія тоже уместенно. Къ примѣру, изба сгорѣла. Надо 64 вѣнца бревень. А насъ 120 домовъ. Значитъ, коли половина деревни—каждый по бревну дастъ, а другіе дадутъ тесу, и байдаку, и лафету и прочее, вотъ тебѣ и изба готова. И не трудно никому будетъ по стольку дать. Не больше какъ рубль съ каждаго хозяина сойдетъ. А страховка-то какая тамъ отъ Земства выйдетъ на плотниковъ пригодится. Уместенная, право, штука!»

Долго бесѣдовали мужички на счетъ пожарныхъ несчастій и борьбы съ ними, но все-таки ни къ чему пока опредѣленному не пришли, и рѣшили поговорить обстоятельно и окончательно на сельскомъ сходѣ.

Прошло нѣсколько дней. Погорѣльцы, не дожидаясь полученія страхового вознагражденія, слѣшили закупить необходимые для построекъ матеріалы. Покупали на сносъ готовыя избы, срубы избъ въ окатахъ, бревна. Всякій старался купить подешевле, такъ какъ, при малой страховкѣ, приходилось изъ собственныхъ средствъ затра-

чивать значительныя суммы. Запасныхъ денегъ ни у кого не было. Поэтому приходилось продавать скоть, запасы ржи и овса, входить въ долги.

Горбатовы заложили свою пустошь трактирщику Сидорову за 500 рублей, съ тѣмъ, чтобы уплатить долгъ въ 5 лѣтъ, внося ежегодно по 100 рублей. И нѣкоторые другіе изъ погорѣльцевъ, какъ они сами выражались, «тоже попали въ кабалу» къ тому-же Сидорову, раздавшему имъ всѣмъ вкупѣ не болѣе пятисотъ рублей. При заключеніи займа, Сидоровъ отъ процентовъ отказался.

— «Проценты дѣло жидовское!»—говорилъ онъ:—«а я люблю дѣлать все по Божески. Вотъ пусть Горбатовы въ благодарность, за то что я ихъ изъ бѣды вызволю, отдадутъ мнѣ покосъ на ихъ пустоши, на эти самые пять лѣтъ, пока они моими деньгами пользоваться будутъ... А вы»,—говорилъ онъ, обращаясь къ другимъ просителямъ:—«мнѣ этотъ покосъ, тоже въ благодарность, уберете».

Однимъ словомъ, Сидоровъ, хотя отъ процентовъ и отказался, но выговорилъ по условію въ теченіи 5 лѣтъ безплатно въ свою пользу косить Горбатовскую пустошь. Горбатовы съ этой пустоши менѣе 75 возовъ никогда не накашивали, такъ что на худой конецъ она давала сѣна рублей на 250—300. Слѣдовательно, давъ погорѣльцамъ тысячу рублей, Сидоровъ, въ теченіи пяти лѣтъ, долженъ былъ получить обратно весь долгъ, да кромѣ того отъ сѣна выручить 1,250 или 1,500 рублей. Не смотря на это, Сидоровъ передъ мужиками важничалъ и открыто заявлялъ себя ихъ благодѣтелемъ.

— «Изъ бѣды васъ вызволилъ»,—говорилъ онъ,—«только по добротѣ душевной. Прямо сказать изъ жалости! Не дай я вамъ, ну гдѣ-бы вы денегъ достали? Коли все у

васъ пригорѣло, то, значить, и довѣрія вамъ ни отъ кого быть не можетъ. Денегъ-то вамъ дашь, а послѣ получай! Ну чего съ васъ получишь, коли вы голь перекатная?»

На самомъ дѣлѣ Сидоровъ былъ совершенно спокоенъ на счетъ долга. Дѣйствительно, у крестьянъ не было ни денегъ, ни богатства, ни имущества, но были руки и здоровье. Да ему и не нужно было ихъ денегъ. Ему нуженъ былъ ихъ трудъ. Осенью онъ намѣревался сводить рощу. Нужны были пильщики и возчики. По вольному найму возка и пилка обошлась-бы не дешево. А погорѣльцы должники будутъ ему возить и пилить лѣсъ для погашенія долга, за полцѣны. Въ душѣ Сидоровъ очень жалѣлъ, что сгорѣло только 12 домовъ, а не больше. Тогда-бы ему еще дешевле обошлась сводка рощи.

Постройка быстро закипѣла и скоро на мѣстѣ старыхъ, сѣрыхъ избъ появились красивые, высокіе новые срубы. Каждый старался построитья лучше и во всякомъ случаѣ не хуже сосѣда. Большинство избъ были покрыты дранкой и отянуты рѣзнымъ карнизомъ. На окнахъ были прикрѣплены узорчатые наличники. Вообще, избы снаружи были красивы и уютны. Но зато денегъ вовсе не хватило на дворы. Нѣкоторые строили ихъ «кое изъ чего», тѣсными и соломенными крышами. А наиболѣе бѣдные отложили постройку дворовъ «до лѣта», и устроили «пока» позади избъ соломенные «закуты». Кстати сказать, что эти соломенные закуты стояли послѣ того неубранными цѣлые три года, такъ какъ погорѣльцы не могли скопить денегъ на покупку бревень.

Объ огнеупорныхъ крышахъ и стѣнахъ и помину не было. Да и можно-ли было о нихъ думать. Стояла осень и недалеко была зима. Всѣ спѣшили скорѣе избы поста-

вить, чтобы перейти въ нихъ на житье до заморозковъ. А если-бы задумали строить глинобитныя постройки, то пришлось-бы мастеровъ ждать. А если и поставили-бы скоро глинобитную избу, то все равно въ нее нельзя было-бы сразу на житье перейти. Надо было долго сушить. А гдѣ-же тутъ сушить, когда чуть не ежедневно дожди перепадаютъ.

Да не привычно какъ-то все это казалось Спировцамъ. Да и лѣса еще не перевелись и легко покупались. За срубъ восьми-аршинной избы погорѣльца платили по 70—80 рублей. А Горбатовы купили срубъ пятистѣннаго дома всего за 120 рублей. Но къ этому нужно было приложить еще не мало денегъ. Въ избѣ дороги вовсе не стѣны, а нарядка, то есть: полы, потолки, переборки, окна, печи и прочее. Огнеупорная постройка безъ этой нарядки обойтись не можетъ, а потому, по расчету Спирицевъ, выходило, что обыкновенная бревенчатая изба должна стоить немногимъ дороже глинобитной.

Вообще, все сводилось къ денежному расчету. О пожарной-же полезности глинобитныхъ и иныхъ строеній крестьяне и не думали.

Не было и схода для обсужденія предложеній агента завести обозъ и дружину. Вообще жизнь вошла въ обычную колею и все пошло по старому. Не мало этому способствовало и то, что пожарное лѣтнее время прошло, и крестьяне уже перестали бояться краснаго пѣтуха.

Но черезъ нѣкоторое время пришелъ въ волостное правленіе запросъ отъ агента о томъ, какъ Спировцы рѣшили относительно его предложенія.

Извѣстіе объ этомъ принесъ въ Спирово вечеромъ, въ Покровъ день, возвратившійся изъ волостнаго правленія

староста. Встрѣтивъ сборище мужичковъ около Сидоровскаго трактира, староста тутъ-же сообщилъ о запросѣ агента.

— «А, ну его! дѣлать видно нечего»,—презрительно сплюнувъ, проговорилъ на это, свѣсившійся изъ окна, Сидоровъ.

— «Ну, это ты напрасно, Степанъ Сидорычъ!»—тотчасъ-же отозвался защитникъ агента солдатъ Иванъ Горбатовъ.

— «Чего напрасно? Нѣшто хорошему онъ насъ учить! Отъ начальства приказъ мірскія деньги въ оброкъ заносить, а онъ, вишь, обозъ заставляеть на нихъ покупать. Легко сказать, пятьсотъ рублей!»

— «Да, вѣдь, обозъ-то нуженъ!»

— «Кому онъ нуженъ? Намъ что-ли? Понимаемъ тоже! Слышалъ, какъ онъ говорилъ, что коль село погорить, такъ Земству придется пятьдесятъ тысячъ выплатить?»

— «Слышалъ. Такъ что-жь?»

— «А то-жь! Дурья голова! аль тебѣ не въ домекъ, что онъ о себѣ болѣе хлопочеть, то истъ о Земствѣ. Понялъ?»

— «Ничего не понялъ!»

— «Ну плохо-же, значить, тебя въ солдатахъ учили! Кому-же охота пятьдесятъ тысячъ платить, понятно, интереснѣе заплатить поменьше. Ну вотъ онъ и хлопочеть и старается (тоже ему за это жалованье платять, али тамъ награды выдаютъ), чтобы, значить, у Земства въ сундукѣ побольше денегъ осталось. А ты думаешь, что онъ о мужикахъ хлопочеть?»

Иванъ смотрѣлъ въ землю и ничего не отвѣчалъ. Видимо, слова трактирщика его озадачили. На толпу-же они

произвели замѣчательно сильное впечатлѣніе. Они какъ-бы сняли съ мужичковъ оковы того очарованія, которое охватило ихъ во время бесѣды съ агентомъ. Вообще мужички, послѣ словъ трактирщика, какъ-то воспрянули духомъ и заболтали.

— «И голова-же у тебя, посмотрю я, Семень Сидорыч!»—говорилъ одинъ мужичекъ:—«и какъ это ты ловко его, агента-то, раскусилъ. И впрямь, онъ изъ-за Земскаго сундука хлопочетъ, а вовсе не о насъ!»

— «Все онъ вретъ, вашъ Сидорыч!»—вдругъ сердито прервалъ говорившаго Иванъ Горбатовъ. Трактирщикъ покраснѣлъ и зло посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ, а Иванъ продолжалъ:— «На что Земству наши деньги? Да и кто это Земство? Вѣдь Земство это мы сами, землевладѣльцы значить, кто земскій сборъ платитъ. Въ Земствѣ разныхъ званіевъ народъ. И страхованіе земское зовется *взаимнымъ*, такъ и на листкахъ у насъ написано, чай сами знаете!»

— «Ну, знаемъ, что-жъ изъ этого?»—перебилъ Ивана какой-то мужичекъ.

— «А то!»—отвѣчалъ Иванъ,—«что значить оно общее наше. Къ примѣру, съ тебя, али съ другого страховку возьмутъ, а кто погорить тому и отдадутъ. А коли денегъ на уплату убытковъ не хватитъ, то опять-же со всѣхъ насъ страхователей что надо и соберутъ».

— «Правильно говорить, служивый»,—подтвердилъ староста:—«сначала и мы копѣйку платили, а потомъ, годовъ пятнадцать тому назадъ, въ тѣ поры, какъ я Василія женилъ, вдругъ полкопѣйки набавили. Такъ съ тѣхъ поръ все по полторы и платимъ. А на другія деревни набавили и болѣе того. Вонъ на Вороново копѣйку, а на

Спасъ копѣйку съ четвертью. Что такое? Почему? За что? спрашиваемъ мы тогда старшину, да агента. А потому, говорятъ, что прогорѣли мы. А вѣрно, годъ ужаси какой былъ пожарный! Ну, а почему на насъ полкопѣйки, а на другія которыя деревни, къ примѣру на Вороново, али на Спасъ, больше набавили? спрашиваю. А потому, говоритъ агентъ, что тамъ больно часто пожары бываютъ, а охраны никакой. А пожары часты потому, что тамъ народъ все сапожники, извѣстно народъ непутевый, пьянъ неаккуратная! Ну за это и навалили больше».

— «Да, вѣдь, теперъ, дядя Семень, они столько-же платятъ, сколько и мы»,—замѣтилъ кто-то.

— «А ты слушай, и узнаешь все. Ну прошло это нѣсколько лѣтъ и опять дѣло наладилось, то есть перестало Земство убытки большіе терпѣть, и получились излишки. Тогда и объявили намъ, что какая ежели деревня, али село, будетъ строиться по плану, садить по улицамъ березки, выроетъ пруды, заведетъ собственную пожарную трубу, ну имъ значить и платежъ уменьшать, кому на четверть, кому на полкопѣйки, а кому и на три четверти копѣйки, смотря по тому какъ кто безопасенъ на счетъ пожаровъ будетъ. Вотъ тогда-то Вороново и Спасъ и взялись за умъ, и исполнили все, какъ Земство указало имъ, и вышло имъ за это пониженіе въ платежахъ».

— «Да что объ этомъ дядя Семень и говоритъ!»—промолвилъ Иванъ Горбатовъ:—«развѣ Сидорычъ самъ всего не знаетъ? Вѣдь онъ слышалъ, чай, какъ агентъ говорилъ, что пострадаетъ «страховой капиталъ», а не Земство. Земству что за дѣло до страховаго капитала. А намъ страхующимъ онъ важень, такъ какъ изъ него мы страховку получаемъ. Значить, коли его не хватитъ въ

пожарный годъ, то намъ-же убытокъ пополнять придется».

— «Ну, ладно, пусть будетъ по твоему!»—зло заговорилъ трактирщикъ:—«заведемъ это мы, значить обозъ, а кто въ дружинку пойдетъ, кто дѣломъ завѣдывать станетъ? Придется за жалованье нанимать, потому никто безъ жалованья на себя обузу принять не согласится».

— «Ну, будетъ, зря молоты!»—недовольно замѣтилъ староста:—«какъ не найти въ такомъ селѣ человѣка, который согласился-бы міру изъ чести послужить».

— «Велика честь! Вонъ, дядя-то Семень, нашъ староста пожарный, отъ этой чести на заработки ушелъ»,—смѣясь проговорилъ Сидоровъ.

— «Ну, что ты тычишь дядей Семеномъ! Найдемъ и пообстоятельнѣе мужика».

— «Ну, староста, будетъ и тебѣ зря языкомъ молоты! Кто это изъ обстоятельныхъ-то мужиковъ согласится по ночамъ по пожарамъ таскаться, когда на печи дома теплѣе. Нѣтъ, врядъ-ли у насъ такой человѣкъ същется!»

— «Да ты, Сидорычъ, поди и самъ-то не прочь въ пожарные старосты пойти?»—смѣясь сказалъ староста:—«вѣдь какъ никакъ, а тоже начальство будешь».

— «Ну, ужъ начальство тоже!»

— «Не хочешь, такъ и безъ тебя найдемъ!»—грубо прервалъ трактирщика Иванъ Горбатовъ.

— «Найдемъ, да найдемъ!»—раздраженно проговорилъ трактирщикъ:—«а кого найдешь-то? Ну, коли знаешь, говори!»

— «Не пристало о себѣ говорить»,—краснѣя проговорилъ Иванъ:—«а коли надо міру послужить честью правдой, то я первый не прочь...»

— «Правильно, служивый!»—восторженно вскрикнулъ какой-то молодой мужикъ:—«никому, какъ тебѣ пожарнымъ старостой быть! Потому ты и къ муштрѣ привыкъ, и команду знаешь, да и по пожарной части, видно, кое что мерекаешь: вишь какъ тогда ловко Саловскую трубу наладил!»

— «Ну что-жъ!»—съ ироніей заговорилъ Сидоровъ, — «вали! тебѣ и книги въ руки. Можетъ и расходъ, какой будетъ, то тоже на себя, ваше благородіе, изволите принять?»—насмѣшливо докончилъ трактирщикъ.

— «Будетъ тебѣ, Сидорычъ, издѣваться-то зря!»—сердито обрѣзала его Иванъ:—«тутъ разговоръ идетъ о дѣлѣ, а ты все съ издѣвками. И чего это тебѣ обозъ и дружина поперекъ горла стали?»

— «А потому»,—серьезно заговорилъ какой-то угрюмый, все время молчавшій, старикъ:—«что—кому пожары эти проклятые горе, а ему, Сидорычу-то, слава тѣ Господи! Кому раззореніе, а ему богатство отъ нихъ! Къ кому послѣ пожаровъ мы въ кабалу попадаемъ? Да все къ нему-же разлюбезному нашему Сидорычу!»

— «Будетъ тебѣ, старина, напраслину взводить»,—измѣнчившимся и смущеннымъ голосомъ заговорилъ трактирщикъ:—«деньгами я никому не набиваюсь. А кто если честью попросить, то отчего-же добраго человѣка изъ бѣды и не вызволить. Тоже, вѣдь, слава Богу, христіане мы, крестъ носимъ...»

— «Христіанинъ тоже!»—раздался хриплый голосъ изъ позади сидящихъ:—«живоглотъ, а не христіанинъ, потому кровь ты нашу пьешь!»

Сидоровъ, желая показать видъ, что вовсе не слыхалъ этихъ словъ, откинувшись отъ окна назадъ, крикнулъ внутрь дома.

— «Марья! Чего-же это ты?» И скрылся.

Мужички засмѣялись.

— «Кто это его обрил?»—улыбаясь спросилъ староста:—«ты, Спира, что-ли?»

— «Да какъ-же не обрить его толстопузаго!»—послышался уже болѣе громкій голосъ съ задовъ:—«тоже какую-то изъ себя овцу праведную корчить, а самъ хуже волка! Да и не въ томъ дѣло! Чего онъ насъ все мутить? Почему онъ противъ добраго дѣла? Я его насквозь вижу. Что ни пожаръ, то ему и доходъ. Погорѣли, съ горя въ кабакъ. Надо денегъ на стройку, къ Сидорычу въ кабалу. Кушили стройку, въ кабакъ валимъ спрыски дѣлать. Перевезли помочью избу, опять водка; построились, новоселье—и опять водка. Плотники не менѣ двухъ дней въ недѣлѣ въ трактирѣ пьянствуютъ, и, почитай, весь заработокъ у Сидорыча оставляютъ. Одно слово: кому пожаръ несчастіе, а ему слава Богу! И чѣмъ чаще и больше горимъ, тѣмъ ему прибыльнѣе...»

— «Правильно, Спира, говоришь! Хорошо помнимъ, какъ онъ въ наше село чуть не безъ штановъ пришелъ. А тамъ какъ-то приспособился на Ивановой Марьѣ женился и триста цѣлковыхъ въ приданое взялъ. А какъ попали ему въ руки эти деньги, и пошелъ онъ около насъ дѣла обдѣлывать. А теперь, гляди, человѣкомъ сталъ, въ тыщахъ ужъ, того гляди въ кунцы выйdetъ».

Въ это время въ окнѣ опять показался трактирщикъ и улыбаясь, ласково спросилъ:

— «Ну что, какъ порѣшили, православные?»

— «На счетъ чего это?»

— «Да на счетъ обозу, дружины, старосты и прочаго».

— «А такъ и порѣшили, что надо сдѣлать, какъ агентъ совѣтуетъ».

— «Смѣшно, право, на васъ смотрѣть со стороны. Прямо, какъ есть дураки! Ну, ладно, уберемъ мы деньги на обозъ, устроимъ дружину, будемъ дѣлать расходы тамъ разные, а вѣдь ломать обозъ этотъ придется по чужимъ пожарамъ».

— «Какъ такъ?»

— «А такъ. По закону мы обязаны будемъ выѣзжать съ трубой въ сосѣднія деревни, на разстояніи 5 верстъ».

— «Ну что-же? и выѣдемъ, коли горѣть будутъ».

— «Да какъ-же такъ?! Мы деньги, значить, на обозъ уберемъ, а почитай 10 деревень имъ даромъ пользоваться будутъ. Али опять: мы значить къ нимъ съ обозомъ, а они къ намъ съ голыми руками. Нѣтъ, это не порядокъ. Ужъ коли обозъ заводитъ, то не однимъ селомъ, а всемъ обществомъ. А сколько у насъ въ обществѣ деревень, дядя Андрей?»

— «Семь».

— «Ну вотъ и пушай все семь деревень сообща обозъ покупаютъ и содержатъ».

— «А, вѣдь, это ты ловко, Сидорычъ, удумалъ»,—замѣтилъ староста:—«вполнѣ правильно. Съ какой, въ самомъ дѣлѣ, стати мы одни будемъ на обозъ тратиться, коли онъ всему обществу нуженъ. Отъ него будетъ помочь всему обществу, такъ пусть все общество и платится».

Противъ этого никто ничего не возражалъ. Молчалъ и Иванъ Горбатовъ.

Так и порѣшили, что староста созоветъ общественный сходъ и на немъ подниметь вопросъ о приобрѣтеніи обоза за счетъ всѣхъ семи деревень Спировскаго общества.

VI.

Общественный сходъ собрался въ слѣдующее Воскресенье. Какъ Спировцы ни старались, но ничего не могли подѣлать съ крестьянами сосѣднихъ селеній. Тѣ и слышать не хотѣли о томъ, чтобы принять на себя часть расходовъ по покупкѣ пожарнаго обоза и по содержанію его. Они говорили Спировцамъ:

— «Если что требуется—мы сами для себя заведемъ, а до вашего обоза намъ дѣла нѣтъ! Ваше село большое, богатое, однѣхъ оброчныхъ статей сколько! Почитай, сотъ восемь въ годъ получаете. А мы народъ бѣдный, доходовъ у насъ мірскихъ никакихъ нѣтъ. Вамъ надобенъ обозъ, у васъ и деньги общественныя для сего имѣются. Ну и покупайте, что вамъ надо, а наше дѣло сторона! Да и деревушки наши маленькія, всего дворовъ по пятнадцать—двадцать, такъ съ насъ и Земство многого не спросить».

Такъ сходъ и разошелся, не сговорившись о покупкѣ обоза за общій всѣхъ селеній счетъ.

Когда-же вечеромъ Спировцы по обыкновенію собрались около трактира, то разговоръ, понятно, пошелъ объ этомъ сходѣ.

— «Упористы, черти!»—говорилъ трактирщикъ Сидоровъ о крестьянахъ несогласныхъ деревень:—«да, смотрите, рога не обломайте. Тоже и на васъ управу можно найти».

— «Ну, чего съ ними, обломамъ, подѣлаешь!»—добро-

душно возразилъ староста:—«уперлись, и шабашъ! Пойди-ка, поговори съ ними».

— «Вѣрно! что ничего не подѣлаешь!»—согласились другіе собесѣдники:— да и управы на нихъ никакой не найдешь».

— «Какъ не найдешь!»—воскликнулъ трактирщикъ:— «коли захотимъ, такъ и найдемъ. Знаешь что, староста, вали завтра въ волость и скажи старшинѣ, что, мошь, такъ и такъ: Спировцамъ однимъ заводить обозъ и прочее не подь силу. А, мошь, согласны они тотъ обозъ завести, и прочее, совмѣстно съ остальными деревнями своего общества. Понялъ? А старшина пусть такъ агенту отвѣтъ и отпишетъ, и прибавитъ, а то, мошь, ничему не бывать! Понялъ? Ну, извѣстно, тогда ужъ самъ агентъ за этихъ напористыхъ чертей возьмется и приструнить. И, посмотри, сдадутся!»

Слова трактирщика произвели хорошее впечатлѣніе на Спировцевъ. Они дивились его сообразительности и изворотливости.

— «Ловко обдумалъ Сидорычъ!»—съ восхищеніемъ говорилъ какой-то мужичекъ.—«Такъ и валяй, староста».

На завтра староста отправился въ волостное правленіе и доложилъ старшинѣ все такъ, какъ его научилъ трактирщикъ. А старшина велѣлъ Писарю тутъ-же написать агенту соответствующее отношеніе.

Получивъ это отношеніе, агентъ сразу догадался въ чемъ дѣло. Онъ самъ ничего не говорилъ о привлеченіи другихъ деревень къ участию по устройству обоза, такъ какъ зналъ, по опыту, что и съ однимъ селеніемъ говорить объ этомъ трудно, а съ нѣсколькими и подавно. И ясно было, что явились люди, которые изъ желанія

затормозить дѣло, впутали въ него сосѣднія деревни. По его плану, устройство пожарной части должно было совершаться такъ: сначала устраивается пожарная команда въ селѣ, а затѣмъ члены ея уже сами должны устроить маленькія отдѣленія и въ окрестныхъ селеніяхъ. Разомъ-же устроить сложную пожарную команду, охватывающую нѣсколько селеній, было, по мнѣнію агента, болѣе чѣмъ трудно.

Поэтому въ отвѣтъ на отношеніе старшины, онъ просилъ его объявить Спировцамъ, что если они не устроятъ въ своемъ селѣ пожарную часть такъ, какъ онъ имъ предложилъ, то будетъ просить Губернскую Управу о повышеніи страхового обложенія на Спирово на четверть копѣйки.

Прошелъ еще мѣсяць, а дѣло впередъ не двигалось, такъ какъ трактирщикъ убѣдилъ Спировцевъ, что если они будутъ упорствовать, то все сдѣлается такъ, какъ они хотятъ. Но вдругъ, вмѣсто этого, изъ Губернской Управы пришла грозная бумага, въ которой говорилось, что если только Спировцы не исполнятъ того, что предложилъ имъ сдѣлать агентъ для обезпеченія села на случай пожаровъ, то съ 1 января наступающаго года страховой платежъ будетъ повышенъ на полкопѣйки, такъ что Спировцы будутъ платить, вмѣсто полуторныхъ, двѣ копѣйки съ рубля. А если и послѣ этого они не образумятся, то съ 1 апрѣля, когда наступитъ пожарное время, постройки всѣхъ страхователей будутъ переведены въ норму, то есть—каждая изба будетъ застрахована только въ пятнадцать—двадцать пять рублей, а дворы, горницы, хлѣвы, сараи и амбары по десяти рублей. Эта угроза возымѣла свое дѣйствіе, и Спировцы перестали слушать рацей

трактирщика Сидорова. Но онъ не унывалъ и всѣми силами старался отстоять свое вліяніе, и все подбивалъ Спировцевъ къ дальнѣйшему упорству, обѣщая устроить страхованіе ихъ построекъ въ возвышенной суммѣ въ частномъ обществѣ. Но его никто уже не слушалъ, и скоро состоялся сходъ, постановившій ходатайствовать передъ Земствомъ о ссудѣ на обозъ 500 рублей.

Стояла уже зима, но агентъ, получивъ этотъ приговоръ, поспѣшилъ пріѣхать въ Спирово, чтобы лично договориться обо всемъ съ крестьянами и положить начало устройству пожарной дружины.

Опять собрались Спировцы на сходъ въ сборной избѣ.

Условившись о томъ, изъ какихъ предметовъ долженъ состоять пожарный обозъ, агентъ перешелъ къ вопросу объ устройствѣ пожарной дружины.

— «Ну, братцы»,—говорилъ онъ, обращаясь къ Спировцамъ, тѣсной толпой стоящихъ передъ нимъ: — «на счетъ обоза теперь разговоръ поконченъ. Надо поговорить и о дружинѣ. Безъ пожарной дружины, какъ я вамъ осенью говорилъ, обозъ и труба мало пользы принесутъ. За ними нуженъ присмотръ. Да и въ пожары ими дѣйствовать надо умѣло».

— «Ну, а какъ на счетъ расхода, стало быть, будемъ?»—неожиданно прервалъ агента вопросомъ трактирщикъ Сидоровъ, сидящій на лавкѣ около стола.

— «Какого расхода?»

— «Да тамъ, на счетъ, сами знаете, жалованья, ремонтовъ разныхъ и прочее... Тоже вотъ лошади...»

— «А, ты вотъ на счетъ чего! Ну подожди немного, до всего по порядку дойдемъ, обо всемъ поговоримъ».

— «Такъ-то оно такъ, по порядку. Да только по моему о расходахъ надо прежде всего говорить. Что-жь мы будемъ толковать о дружинѣ, либо о пожарномъ старостѣ, ежели ничего неизвѣстно, хотя-бы на счетъ жалованья».

— «Да при чемъ тутъ жалованье?»

— «Какъ, при чемъ? А кто-же въ команду задарма служить пойдетъ?»

— «Я думаю, что среди васъ всегда найдутся люди, которые и безъ жалованья согласятся хорошему дѣлу послужить».

— «Врядь-ли?»

— «Ну, пошелъ опять баламутить!»—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ рядомъ съ агентомъ сидящій сельскій староста:—«чего ты Сидорычъ, зря болтаешь! Неужто у насъ на селѣ некорыстливыхъ мужиковъ нѣтъ?»

— «Какъ не быть! чего зря болтать!»—послышались голоса.

— «Ну, а кто-же покажитесь?»—насмѣшливо задалъ вопросъ трактирщикъ, обращаясь къ толпѣ.

— «Да хоть-бы я первый!»—громко крикнулъ Иванъ Горбатовъ, проталкиваясь къ столу.

— «Ну, объ тебѣ и рѣчи быть не можетъ! Потому ты ужъ и въ старосты заранѣе себѣ назначилъ»,—ядовито молвилъ Сидоровъ:—«ну а еще кто? Вѣдь, не одинъ-же ты въ дружинѣ будешь?»

— «Извѣстное дѣло не одинъ!»—тряхнувъ головой, отвѣтилъ Иванъ и, обернувшись, крикнулъ:

— «Алеха! чего-же не выходишь? Иди сюда!»

Изъ толпы началъ протискиваться къ столу молодой красивый мужикъ, Ивановъ, товарищъ дѣтства Ивана Горбатова, бормоча:

— «Я что-жь! Я не прочь!»

— «А вы чего тамъ, ребята, въ уголь забились? Выходите, сюда, впередъ!»—опять крикнулъ Иванъ, поворачиваясь назадъ.

— «Мы что-жь? Мы тоже не прочь!»—заговорили разомъ нѣсколько человекъ и начали выходить къ столу.

Агентъ улыбался. Видимо онъ былъ доволенъ тѣмъ, что дѣло такъ хорошо и быстро складывалось. Его даже удивило, что разомъ явились 15 человекъ, добровольно пожелавшихъ вступить въ дружину, именно, не ради жалованья, а совершенно безкорыстно. Дѣло объясняется просто.

Пока шла переписка, да разговоры о приобрѣтении обоза, Иванъ Горбатовъ постепенно сошелся со своими сверстниками, товарищами дѣтства. Почти всѣ они были уже женатыми мужиками. Вотъ ихъ-то Иванъ и подбилъ вступить въ дружину. Къ этимъ молодымъ мужикамъ присоединились еще нѣсколько парней. Народъ все былъ крѣпкій и сильный.

— «Ну, вотъ, Сидоровъ, видишь!»—обратился агентъ къ трактирщику:—«и добровольцы нашлись. Маловато, положимъ, ихъ, да все-таки и съ ними дѣло можно будетъ начать».

— «Ну, такъ вотъ, ребята!»—обратился агентъ къ стоящей передъ столомъ кучкѣ молодыхъ мужиковъ и парней:—«набралось васъ пятнадцать человекъ. И будетъ пока. Давайте теперь опредѣлимте кому что дѣлать на пожарѣ. Сначала надо старосту избрать».

— «Чего тутъ избрать!»—перебилъ агента сельскій староста:—«извѣстно, кто дѣло зачалъ, тому и верховодить. Значить, пусть Иванъ Горбатовъ и будетъ пожарнымъ старостой».

— «Некому, окромя Ивана старостой быть!»—раздались голоса из толпы мужичковъ, стоящихъ назади:— «потому, какъ онъ солдатъ, то ему и команда дѣло свичное, да и съ трубой обхождение онъ знаетъ. Пусть Иванъ и будетъ старостой».

— «Какъ хотите! Иванъ Петровъ—такъ Иванъ Петровъ!»—отвѣтилъ агентъ:—«Согласенъ Иванъ?»

— «Быть можетъ, ваше благородіе, кто другой пожелаетъ»,—застѣнчиво отвѣчалъ Иванъ:—«я еще человѣкъ молодой. Можетъ кто изъ стариковъ пойдетъ. Старика больше слушаться будутъ».

— «Чего стариковъ! Гдѣ имъ! Старикамъ на печи лежать, а не пожары тушить!»—раздались голоса изъ толпы:—«Тутъ обязательно, кто помоложе долженъ быть, потому для такого дѣла требуется мужикъ сильный, ловкій. Нѣтъ, ужъ ты, Иванъ, не кобеняся, а послужи-ка міру честью—правдой».

— «Я что-жъ! я не прочь! За честь почту»,—проговорилъ въ отвѣтъ Иванъ Горбатовъ.

— «Ну, стало-быть, согласенъ?»—переспросилъ его агентъ.

— «Не отказываюсь».

— «Ну и ладно! Такъ и запишемъ: пожарнымъ старостой избранъ Иванъ Петровъ Горбатовъ. Ну, а теперь надо къ трубѣ трехъ человѣкъ опредѣлить. Ну кто изъ васъ любить или умѣетъ стволомъ управлять»,—обратился агентъ къ стоящимъ передъ нимъ добровольцамъ.

— «Ну, ужъ стволомъ работать я никому не уступлю!»—неожиданно заявилъ трактирщикъ Сидоровъ, соскакивая съ лавки и становясь передъ столомъ.

Агентъ удивленно на него взглянулъ. Въ толпѣ слышались возгласы, шутки, смѣхъ и слова поощренія.

— «Да, вѣдь, ты, Сидоровъ, противъ быть?»—смѣясь заговорилъ агентъ.

— «Ничего не противъ!»—тряхнувъ волосами, отвѣчалъ Сидоровъ:—«Я только на счетъ расхода говорилъ и прочаго. Потому съ денежнымъ дѣломъ нужно серьезно обходиться. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, зря мірекія деньги тратить такъ, не обсудивши, не поговоривши. А то сегодня, къ примѣру, не обсудимши-то, на обозъ пятьсотъ рублей назначимъ, а завтра кто другой можетъ иное дѣло обдумаетъ и скажетъ тоже, подавай пятьсотъ. Ну, а я все хлопоталъ на счетъ того, какъ-бы поменьше, да полегче. А потомъ, признаться, я думалъ, что и впрямъ ничего не выйдетъ, и что наши мужики не захотятъ въ пожарные идтить. Ну, а теперь иная статья выходитъ!»

— «Такъ, значить, и тебя въ дружину записать?»

— «Обязательно! Потому съ измалѣтства до страсти пожары люблю. Ни одинъ пожаръ не пропускаю. Лошадь не жалѣю, когда на пожаръ скачу. А потомъ ужаси, какъ люблю это я работать около самага огня. Потому запишите меня ствольщикомъ».

— «Хорошо! Такъ и запишемъ: ствольщикомъ избранъ Семень Сидоровичъ Сидоровъ. Ну, а теперь надо одного человѣка опредѣлить присматривать за забирнымъ рукавомъ и за качальщиками. А другого за выкиднымъ рукавомъ. А то въ пожары часто выкидной рукавъ, оставленный безъ присмотру, рвутъ, то переѣхавъ въ экипажѣ, то задѣвъ бревномъ или какимъ-нибудь орудіемъ. Случается, что отъ недосмотра рукавъ завертывается и отъ напора воды лопається. Такъ вотъ, этотъ человѣкъ и бу-

детъ слѣдить, чтобы рукавъ не повредили. Ну, а если, не смотря на это, рукавъ все-таки лопнетъ, то онъ долженъ умѣть наложить на него повязку. Ему-же придется рукавъ этотъ поддерживать, если ствольщикъ будетъ работать наверху».

— «Запишите, ваше благородіе, къ забирному рукаву Михайлу Степанова, а къ выкидному Филиппа Иванова, потому они не особенно сильны, такъ имъ это дѣло способнѣе будетъ»,—проговорилъ Иванъ Горбатовъ.

— «Что-же, мы согласны!»—отвѣчали тѣ,—«какое-бы дѣло не дѣлать не все-ль равно!»

— «Ну, ладно! Записалъ. Дальше. Теперь надо назначить мужика пообстоятельнѣе въ водоснабдители. Его дѣло будетъ хлопотать, чтобы воду въ достаточномъ количествѣ къ трубѣ подавали. Онъ долженъ указать таскающимъ воду, откуда ее удобнѣе брать. Раздать изъ обоза ведра, найти народъ, который возилъ-бы воду въ обозныхъ боченкахъ и тому подобное».

— «А что, ваше благородіе!»—вставая съ лавки, заговорилъ сельскій староста:—«могу я, хоша и состою въ сельскихъ старостахъ, въ дружину записаться?»

— «Отчего-же, конечно можно!»

— «Ну, коли можно, такъ вотъ, сдѣлайте милость, и меня запишите. Водянымъ этимъ и запишите».

— «Куда ты, сѣдая твоя борода! Лежалъ-бы на печи. А то тоже въ пожарные»,—раздались возгласы изъ толпы.

— «А что-же ты думаешь! Никому, какъ ему и быть на этой должности. Настоящимъ водянымъ дѣдушкой выглядить. Гляди: борода длинная, да сѣдая, брови бѣлыя, да нависшія»,—говорилъ какой-то шутникъ. А староста, улыбаясь, на это отвѣчалъ:

— «Я потому-то и прошусь въ водяные, что обличіе схожее имѣю. Воду-то больше бабы, да дѣвки таскаютъ, а онѣ народъ продувной. Съ ними тоже—во какъ строго себя надо держать. Другого и слушаться не будутъ, ну, а меня-то они боятся!»

Толпа еще больше загалдѣла. Послышались сзади и голоса бабъ, пришедшихъ изъ любопытства взглянуть на сходъ. Одна баба, побойчѣе, закричала:

— «А развѣ бабамъ въ вашей дружинѣ полагается быть? Нѣтъ, дядя Андрей, врешь, мы тебѣ не подначальны!»

— «Слышите, баринъ!»—смѣясь молвилъ староста:—ничего еще нѣтъ, а ужъ бунтуютъ! Говорю, продувной народъ, строгость любить! А что, въ самомъ дѣлѣ, бабы могутъ въ дружинѣ состоять?»

— «Видите-ли въ чемъ дѣло. Түшить пожары будетъ собственно не сама дружина, а по прежнему вся деревня. Дружина черезъ-чуръ малочисленна, чтобы своими силами справиться съ пожаромъ. Ее дѣло будетъ работать въ самомъ огнѣ, заливая огонь изъ трубы, ломая строенія баграми, крюками, ломами, топорами. Но подавать воду, оттаскивать въ сторону сваленныя бревна, түшить ихъ при помощи швабръ, тащить, при разломкѣ зданія ломовымъ крюкомъ, канаты—долженъ народъ, не состоящій въ дружинѣ. Этотъ-же народъ долженъ помогать и качать и слѣдить за тѣмъ, чтобы не загорѣлось-бы гдѣнибудь вдали отъ пожарища, отъ искры. Однимъ словомъ, дружина будетъ лишь руководить тушеніемъ пожара, но большая часть работъ должна будетъ производиться всей деревней, мужиками, бабами, дѣвками, мальчишками. Такъ что и бабы, хотя и не будутъ записаны въ дружину, по

все равно явятся такими-же пожарными, какъ и мужчины. Ну, продолжаю дальше. И такъ Андрей Филатовъ избранъ водоснабдителемъ».

— «А кто-же будетъ за трубой въ сараѣ присматривать?»—спросилъ агента, сидящій недалеко старикъ.

— «А самъ пожарный староста и трубники. Я дамъ имъ наставленія, что надо дѣлать, чтобы труба была въ порядкѣ и готовности».

— «А нельзя-ли опредѣлить къ этому дѣлу слесаря Феклиста Ковалева? Онъ по слесарной части дока. Даже и экипажи можетъ дѣлать. И уходъ за машиной знаетъ. Такъ, въ случаѣ чего, ему не трудно все исправить, али передѣлать тамъ».

— «Гдѣ-же этотъ Феклисть?»

— «Здѣсь, ваше благородіе!»—отозвался чернявый мужичекъ, съ блѣднымъ, испытанымъ лицомъ мастераваго, жившаго въ столицахъ.

— «Хочешь вступить въ дружину?»

— «Намъ неслобно, господинъ агентъ! И потому здоровье не ахти какое. Гдѣ ужъ въ пожарныхъ состоять. Тутъ надо кто помоложе, да посильнѣе».

— Да ты постой, Феклисть Иванычъ!»—остановилъ его Иванъ Горбатовъ:—«ты намъ нуженъ не для работы вовсе. Съ работой и безъ тебя управимся. Твое дѣло будетъ особое: за трубой тамъ присмотрѣть, смазать, почистить ее. Струментъ какой исправить, или наладить. И вообще за пожарнымъ сараемъ приглядывать».

— «Такъ-то оно такъ! Не трудно, конечно, это. Да я-жъ говорю неслобно, потому постоянно работишка есть, ее справлять надо».

— «Да мы тебѣ жалованье какое ни на есть за это

положимъ»,—вмѣшался сельскій староста:—«небольшое, положимъ, а все-таки... Какъ думаете, православные...»—обратился онъ къ Спировцамъ, —«сколько ему положить жалованья въ годъ?»

— «Не велико дѣло-то будетъ»,—заговорилъ трактирщикъ Сидоровъ:—«не кажинный день въ сараѣ работа, а вотъ развѣ послѣ пожара все въ порядокъ привести придется, да машину почистить, да смазать. Я думаю, за такую работу достаточно и десяти рублей въ годъ».

— «Согласенъ за такое вознагражденіе быть, такъ сказать, смотрителемъ обоа и сарая?»—спросилъ агентъ Феклиста. Тотъ переминался съ ноги на ногу и молчалъ.

— «Ну, прибавьте-же ему, братцы, еще пятишницу на масло, на тряпки и прочее»,—обратился Иванъ Горбатовъ къ сходу.

— «Ну, что-жъ? прибавить, такъ прибавить! Не велики деньги пятнадцать рублей. Наше-же добро соблюдать въ порядкѣ будетъ»,—отвѣчали изъ толпы.

— «Согласенъ?»—опять спросилъ агентъ Феклиста.

— «Что-жъ, пожалуй! Только отъ иной работы прошу меня ослобонить».

— «Ладно. Ладно. Ну, теперъ надо 10 человекъ топорниковъ назначить. Топорники должны быть сильны, ловки, безстрашны. Имъ придется по крышамъ лазить, изъ горящихъ зданій, при случаѣ, народъ спасать, разламывать горящія и не горящія зданія».

— «Въ топорники запишите, ваше благородіе, Ивана Прохорова, Сидора Голодая, Федора Баканова, Ивана Грудинина, Михаила Минина, Сергѣя Борисова, Алексѣя Ульянова, Ивана Рыкова, Василя Архипова и Дмитрія Сизова».

— «Есть. Записаны».

— «А умѣютъ-ли они по крышамъ-то лазить?»—спросилъ кто-то изъ толпы.

— «Не умѣютъ, такъ научатся»,—отвѣчалъ Иванъ Горбатовъ:—«по весѣ ученія устрою и всему обучу. И я, какъ въ солдаты забрали, не умѣлъ, а теперь всю гимнастику превзошелъ. Нарочно такихъ и отобралъ, кто не трусь и половчѣ».

— «Теперь мы только должности распредѣляемъ»,—замѣтилъ агентъ:—«а, конечно, послѣ придется обучиться многому, что долженъ знать или умѣть дѣлать всякій пожарный. Въ этомъ-то и будетъ заключаться отличка дружинниковъ отъ другихъ мужиковъ деревни. Ну, теперь продолжимъ дальше. Надо двухъ человѣкъ назначить къ ломовому крюку и къ кошкѣ, да двоихъ къ баграмъ. Къ ломовому крюку и къ кошкѣ надо назначить самый здоровенный народъ, такъ какъ крюкъ съ цѣпью и канатомъ очень тяжелъ, а заносить его приходится на багрѣ. А на отвѣсѣ тяжесть увеличивается и нуженъ сильный человѣкъ, чтобы легко и ловко зацѣплять крюкъ по указанію пожарнаго старосты. А кошку съ веревкой закинуть на крышу и зацѣпить за конекъ можетъ и не особенно сильный человѣкъ».

— «А къ чему эти самыя крюкъ и кошка».

— «Зацѣпивъ крюкомъ за уголъ, народомъ можно моментально повалить на землю цѣлую избу, или крышу. А зацѣпивъ кошку за конекъ, по веревкѣ можно влѣзть на крышу и спускаться на землю. Придерживаясь за веревку, можно свободно ходить по всей крышѣ. Кошкой такъ-же можно ломать и растаскивать легкія постройки, вроде сараевъ, овинъ».

— «Такъ»,—сказалъ на это сельскій староста:—«нужны значить, люди сильные.. Остался изъ добровольцевъ одинъ сильный, Петръ Загибинъ. Да онъ хотя и здоровъ, а все не то. Его можно къ кошкѣ, а къ ломовому крюку, пожалуй, слабовать будетъ».

— «Вотъ, какъ-бы дядя Захаръ, согласился къ этому опредѣлиться»,—промолвилъ Иванъ Горбатовъ, вопросительно смотря на одного сидящаго на лавкѣ солиднаго мужика:—«онъ медвѣдя сломаетъ, не только что другое. Ему подъ стать ломовикомъ быть. Пожалуй одинъ избу своротить».

— Старъ ужъ я для этого дѣла, Иванъ Петровичъ сталъ! Года не тѣ. А впрочемъ, что-жъ! Ужъ коли безъ меня вамъ не обойтись, такъ, сдѣлай милость, пиши въ эту вашу дружину и меня»,—добродушно проговорилъ дядя Захаръ и поднявшись, подошелъ къ столу.

— «Вотъ и спасибо! Удружилъ дядя Захаръ, какъ слѣдуетъ. Доподлинно дружина у насъ будетъ, коли такъ дружно народъ въ нее идетъ!»—радостно промолвилъ Иванъ Горбатовъ, и затѣмъ обратился къ агенту, сказавъ:

— «Пишите, ваше благородіе, къ ломовому крюку опредѣленъ Захаръ Большой, а къ кошкѣ и въ помощь къ Захару Петръ Загибинъ, а къ баграмъ—Яковъ Николаевъ и Андрей Хапугинъ. Вотъ, кажется, и все?»

— «Нѣтъ, не все!»—отвѣчалъ агентъ:—«надо-бы еще нѣсколько человѣкъ качальщиковъ. Хотя въ пожаръ никто изъ народа не имѣетъ права отъ качки отказываться, но все-таки нужно-бы своихъ качальщиковъ имѣть. Они должны умѣть и трубу съ дрогъ снять и назадъ поставить. И качать извѣстнымъ способомъ. Да и можетъ случиться, что трубники или устанутъ, или почему-либо на

пожаръ не явятся, тогда кто-нибудь изъ качальщиковъ и долженъ ихъ замѣнить. Однимъ словомъ, качальщики могутъ быть резервомъ для всякой работы и обучены всему на-равнѣ съ остальными».

— «Ну, что-же братцы, стойте, выходите!»—обратился къ толпѣ сельскій староста.

Но никто не выходилъ. Шли переговоры. Мужички другъ друга толкали и посылали къ столу.

— «Не хотите волей, пойдете неволей!»—продолжалъ староста.

— «Какъ-же это такъ?»—послышалось изъ толпы.

— «А такъ! Вѣдь надо-же кому-нибудь качальщиками. А по закону, слышали, всѣ мужики обязаны пожарную повинность лично отбывать. И значить, коли не хотите идти въ дружину волей, то мѣръ назначить кого-либо по череду».

— «Коли по череду, то это совсѣмъ иная статья. По череду, знамо, никто запирагся не можетъ, потому у насъ всякую тяготу принято по череду отбывать»,—послышалось изъ толпы.

— «Вотъ то-то! Эй, Никита Степановъ, выходи!»—начальнически крикнулъ староста.

— «Да я, дядя Андрей, только что въ прошломъ году магазиннымъ былъ, а теперь опять запрягаете! Что-жъ все на одного всю тяготу валите, чай на селѣ не мало народу»,—запротестовалъ Никита Степановъ.

— «Будетъ тебѣ, Никита, зря болтать!»—сердито заговорилъ староста:—«сказано, что все равно въ пожаръ каждый мужикъ долженъ работать, будетъ онъ записанъ, или нѣтъ. Пойми, дурья голова! Коли тебя въ дружину записываю, то значить я тебя отъ другихъ прочихъ отли-

чаю. Всякаго тоже записать не хочется. А другой и подходилъ-бы, да на лѣто въ заработки уходить, опять записать нельзя. А ты мужикъ трезвый и всегда дома живешь».

— «Ну, что-жъ, пишите! Только больше году я въ дружинѣ состоять не желаю, аносля на мѣсто меня другого пусть назначаютъ».

Такимъ образомъ, по указанію сельскаго старосты и по молчаливому согласію міра, были записаны въ качальщики еще 5 человекъ. Дальнѣйшее насильное вербованіе дружинниковъ агентъ считалъ не нужнымъ.

— «Ну, вотъ, слава Богу, и дружина составилась»,—говорилъ онъ, окончивъ записи и подсчитавъ дружинниковъ:—«Всего набралось 25 человекъ и будетъ пока. И то хорошо. Добровольно заявили желаніе состоять въ дружинѣ 15 человекъ, да четверо къ нимъ пристали при распредѣленіи должностей, а шестерыхъ пришлось назначить въ очередь на одинъ годъ. Ну, начало сдѣлано, Спировская сельская дружина уже зародилась; по веснѣ, какъ обозъ будетъ готовъ, устроимъ и крещеніе ея, то есть открытіе съ молебномъ и водосвятиемъ. Теперь-же остается поговорить о расходахъ и кое о чемъ другомъ. Только знаете что, братцы, въ горлѣ пересохло. Пойду, чайку попью, а вы пока отдохните, да и избу надо провѣтрить, а то отъ вашихъ дубленокъ не совсѣмъ пріятно пахнетъ».

Мужички засмѣялись и начали выходить вонъ изъ избы.

VII.

Черезъ часъ сходъ опять былъ въ сборѣ.

— «Вотъ теперь время поговорить и о расходахъ», — началъ агентъ, обращаясь къ Сидорову: — «пятьсотъ рублей, испрошенные вами въ ссуду отъ Земства, полностью уйдутъ на покупку пожарной трубы и другихъ частей обоза. Заготавливать разные инструменты и орудія я буду самъ, въ городѣ. У васъ нѣтъ мастеровъ и кузнецовъ, умѣющихъ изготовлять пожарные инструменты, а въ городѣ мастера и кузнецы мною уже къ этому дѣлу приспособлены, такъ какъ вашъ обозъ будетъ не первымъ».

— «Извѣстно, какіе наши мастера и кузнецы! Навозную телѣгу сдѣлать, станъ колесъ обтянуть, лошадей подковать, вотъ это ихъ дѣло. А на счетъ другого чего, они не способны», — замѣтилъ сельскій староста.

— «Для помѣщенія обоза, необходимо будетъ выстроить сарай, такъ аршинъ 15 длины, 10 ширины и 4 съ половиною высоты. Сколько по здѣшнимъ цѣнамъ будетъ стоить такой сарай?»

— «Если хорошій сарай построить, съ байдачнымъ поломъ, съ тесовой крышей, то, пожалуй, рублей сто двадцать, а то и всѣ полтора потребуются», — отвѣчалъ сельскій староста.

— «Это если изъ новаго лѣсу дѣлать», — пояснилъ Сидоровъ: — «но можно гдѣ-нибудь по случаю готовый купить, то тогда не дороже ста рублей обойдется».

— «Сарай вамъ придется ужъ на мірскія деньги строить. Первый взносъ на погашеніе ссуды на обозъ Земство съ васъ въ будущемъ году еще не потребуетъ.

Поэтому вамъ возможно будетъ затратить изъ мірскихъ суммъ сто—полтора рублей на сарай. Я уже говорилъ съ Земскимъ Начальникомъ и онъ мнѣ сказалъ, что ничего не имѣетъ, если вы изъ мірскихъ суммъ будете ежегодно тратить на улучшеніе и содержаніе пожарной части рублей по сто—полтора».

— «Ну, вотъ это хорошо! значить безъ хлопотъ обойдемся, не надо ибору со страхователей дѣлать», — обрадовался сельскій староста.

— «Такъ вотъ, братцы, пока я буду обозъ заготавливать, вы въ это время сарай подыщите подходящій».

— «Будьте покойны, ваше благородіе, ужъ мы это дѣло устроимъ», — отвѣчалъ Иванъ Горбатовъ.

— «А гдѣ вамъ лучше сарай будетъ поставить?»

— «А самое удобное гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на площади около церкви, или на выѣздѣ изъ деревни. Сарай, расположенные среди крестьянскихъ избъ, часто въ пожары такъ быстро загораются, что и трубы изъ нихъ не успѣваютъ вытащить. Въ уѣздѣ чуть не ежегодно трубы такимъ образомъ сгораютъ».

— «Самое лучшее будетъ, конечно, на площади, около церковной ограды поставить. Тамъ и удобно, и отъ строевой въ отдаленіи будетъ», — предложилъ староста. Спировцы съ этимъ согласились.

— «Сарай надо будетъ устроить съ двумя воротами, чтобы сквозъ проѣзжать», — продолжалъ агентъ! — «А то когда одни ворота, то трудно бываетъ ввезти туда ходъ съ трубой. Слѣдуетъ также прорубить хоть одно окно, или сдѣлать просвѣты надъ окнами. Когда въ сараѣ свѣтло, то не такъ сыро бываетъ и плесени не заводится. Хорошо-бы сарай устроить теплый, да такой дорого будетъ стоить».

— «Сперва хоть какой-нибудь надо поставить, а теплый послѣ сдѣлаемъ, когда разбогатѣемъ!»—смѣясь сказалъ староста.

— «Около сарая поставьте столбъ или жердь съ перекладиной и блокомъ, на который по веревкѣ и будете поднимать рукава для просушки».

— «А колоколь не надо?»—спросилъ Иванъ Горбатовъ.

— «Это ужъ ваше дѣло! Можно для созыва дружинниковъ, особенно на пожары въ другія селенія, бить набать или въ колоколь, или въ чугунную доску».

— «У насъ, ваше благородіе, такой обычай»,—перебилъ агента староста:—«что коли пожаръ въ нашемъ приходѣ, то завсегда сполохъ на церковный колоколь бьютъ».

— «Ну тогда, конечно, не надо ни колокола, ни доски. Расходъ на обозъ и сарай будетъ капитальный, то есть разъ на всегда. Но кромѣ этого, у васъ будутъ текущіе расходы. Вотъ хоть-бы, напримѣръ, смотрителю за обозомъ и сараемъ жалованье 15 рублей. Второй статьѣй явится расходъ по выѣзду на пожары, то есть на наемъ лошадей. Впрочемъ, это можно такъ устроить, что денегъ и не потребуется».

— «А какъ-же это?»—полюбопытствовалъ какой-то мужичекъ.

— «А такъ!»—отвѣчалъ агентъ:—«на пожаръ въ своемъ селѣ трубу можно вывозить на рукахъ. Ручныя бочки такъ и приспособлены, чтобы людьми воду возить. Ну, а въ конную бочку придется лошадь запрягать. Слѣдовательно расходъ по выѣзду на пожаръ въ своемъ селѣ ограничится платой за одну лошадь».

— «Ну, это пустяки! Объ этомъ толковать не стоитъ»,—замѣтилъ кто-то.

— «За-то выѣзды въ окрестныя селенія потребуютъ большого числа лошадей. На окрестные пожары, на разстояніи пяти верстъ, вы обязаны будете выѣзжать съ пожарной трубой и съ одной бочкой. Съ трубой должны будутъ выѣзжать человекъ пять—шесть дружинниковъ. Поэтому въ дроги придется запрягать пару хорошихъ лошадей, а то, пожалуй, и всю тройку. Да одна лошадь потребуется подъ бочку».

— «Значить, всего четыре лошади?»

— «Достаточно и трехъ. Можно подъ трубу и пару запрягать»,—возразилъ Сидоровъ.

— «Это ужъ ваше дѣло сколько лошадей запрягать. Сами увидите»,—замѣтилъ агентъ:—«теперь нужно рѣшить только, какія это лошади будутъ. Въ однихъ мѣстахъ, гдѣ есть земскія стойки, стоечниковъ за годовую плату договариваютъ; въ другихъ договариваютъ поставлять лошадей въ пожары просто тѣхъ домохозяевъ, у которыхъ имѣются хорошія лошади, стоящія большею частью на дворахъ; въ третьихъ подаютъ заранѣе обусловленную плату тѣмъ хозяева, у которыхъ въ пожаръ лошади случайно окажутся дома. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, за неимѣніемъ средствъ, устанавливаютъ просто подавать бесплатно или за самую незначительную плату очередныхъ лошадей. Очередныя лошади уже не отпускаются на ночь въ поле и стоятъ цѣлый день въ хомутахъ или дома, а то даже прямо въ пожарномъ сараѣ. Вотъ и выбирайте сами, какъ вамъ будетъ удобнѣе устроиться на счетъ лошадей».

— «Жаль—стойки у насъ нѣтъ, тогда чего-бы лучше, какъ стоечника на годъ подрядить»,—замѣтилъ староста.

— «Такъ учредите очередныхъ лошадей».

— «Да развѣ можно очередныхъ? Статочное-ли это дѣло»,—горячо запротестовалъ староста. — «Хозяинъ хозяину рознь, такъ и лошадь лошади рознь. Къ примѣру, у меня гнѣдко, давай мнѣ за него сто цалковыхъ, и то не отдамъ! А вонъ у Илюхи Шатуна кобыла за 6 рублей куплена, одно слово палочница, кожа да кости. Такъ какъ-же мы съ Илюхой въ очередь равняться будемъ? Случись въ пожаръ моя очередь, такъ не надо и тройки: мой гнѣдко хоть десять человекъ свезетъ! А запряги Илюхину кобылу въ бочку съ водой — она и подохнетъ! Только одинъ убытокъ мужику будетъ».

— «Это правильно ты, дядя Андрей, говоришь», — подтвердилъ кто-то изъ толпы:—«очередь дѣло неспособное. Такія въ пожаръ, пожалуй, очередныя одры попадутся, что ихъ-же на себѣ обратно везти придется». Въ толпѣ раздался смѣхъ.

— «Нѣтъ, неспособно это дѣло и по другому»,—серьезно заговорилъ Захаръ Большой:—«пожары-то не кажинный день бывають. Ну, раза три — четыре въ годъ не болѣ. А изъ-за этого держи на дворѣ лошадей круглый годъ. А сами знаете, что стоитъ для насъ лошадиный день: лѣтомъ рубль, а зимой полтинникъ. Значить, коли лѣтомъ четыре лошади будутъ стоять безъ дѣла — это четыре рубля убытку, а зимой два. Вотъ и поразсчитай во сколько это станетъ въ годъ? Нѣтъ, лучше мы деньгами откупимся, нанимайте на нихъ лошадей у кого хотите».

— «Вполнѣ согласенъ, братцы, съ вами»,—заговорилъ агентъ:—«что очередныя лошади не совѣмъ удобны. Въ такомъ случаѣ, лучше нанять за деньги. Если, какъ За-

харъ Большой сказалъ, въ годъ бываетъ три—четыре пожара, то въ окрестности будетъ не болѣе трехъ выѣздовъ. Это, значить, потребуется три раза по три лошади. Да въ пожаръ въ своемъ селѣ 1 лошадь. Значить, придется платить за 10 лошадей. Положимъ, что плата за лошадь будетъ полтора рубля. Значить, въ годъ на наемъ лошадей пойдетъ всего пятнадцать рублей».

— «Сумма небольшая, конечно»,—заговорилъ Сидоровъ,—«да кто за эту плату лошадей подастъ? У кого ихъ нанять-то?»

— «Конечно тѣ, у кого они постоянно на дворѣ стоятъ»,—отвѣчалъ Иванъ Горбатовъ.

— «А у кого-же они на дворахъ стоятъ, коли то на нихъ пашутъ, то сѣно возять, то дрова?»

— «Ну, не всѣ-же у насъ земленашествомъ занимаются! Вонъ у торговцевъ всегда лошади дома. И въ поле на ночь ихъ не пуцають, потому все жеребята».

— «Что-же, я, пожалуй, готовъ свою пару подъ трубу подавать»,—неожиданно заявилъ Сидоровъ:—«только меньше пяти рублей за выѣздъ не возьму».

— «Не дорогонько-ли, Сидорычъ, запросилъ?»—смѣясь молвилъ староста.

— «Какъ знаете! а только меньше никакъ нельзя. Потому тоже въ пожаръ горячка бываетъ, какъ разъ жеребятъ испортишь».

— «Да будетъ тебѣ! Вѣдь и теперь на пожаръ сломя голову летаешь, не жалѣючи жеребятъ. Чего зря болтать! Бери три цалковыхъ и баста!»

— «Ну, ладно, такъ и быть! Изъ уваженія къ обществу согласенъ три рубля брать. Ну, а подъ бочку какъ-же?»

Подъ бочку рѣшили лошадь не договаривать, а кто первый ее подастъ, тому и платить 2 рубля въ пожаръ.

— «Теперь вотъ что я вамъ скажу, братцы»,—обратился агентъ къ сходу, когда вопросъ о лошадяхъ былъ конченъ:—«дружинники будутъ нести все-таки не легкія обязанности. Сами знаете, каково работать вблизи огня. За отличную работу я буду какъ отдѣльныхъ членовъ, такъ и всю дружину представлять къ наградѣ. Земство выдаетъ отличившимся въ награду до 10 рублей на лицо, а дружинамъ въ пособіе рублей до 50. Но это будетъ даваться только въ случаѣ отличія».

— «Мы уже постараемся отличиться!»—хвастливо замѣтилъ кто-то изъ дружинниковъ.

— «Ну, впередъ хвастать не слѣдуетъ. А я къ тому веду рѣчь, что не мѣшало-бы установить для дружинниковъ вознагражденіе, конечно небольшое, такъ отъ 15 до 25 копѣекъ въ пожаръ».

— «Какъ-же это такъ, ваше благородіе!»—прервалъ Сидоровъ агента:—«сами давеча говорили, что дружинники должны служить безъ жалованья, а теперь сами хотите его установить?»

— «Да развѣ это жалованье, 15—25 копѣекъ въ пожаръ? Это просто угощеніе, безъ котораго, по моему, никакъ нельзя обойтись. Во время работы у одного въ горлѣ пересохнетъ, другой, напротивъ, промочившись, озябнетъ, третій просто изнурится до послѣдней степени и т. д. Ну, какъ такимъ людямъ, по окончаніи тушенія, и не отдохнуть въ общей компаніи, за общей бесѣдой, за чайкомъ, или тамъ за другимъ напиткомъ».

— «Это вѣрно, что послѣ работы чайку или чего другого попить не вредно!»—замѣтилъ староста.

— «Но у всякаго-ли найдутся деньги на это?»

— «Извѣстно, не у всякаго».

— «Ну, такъ вотъ, поэтому-то и слѣдуетъ выдавать дружинникамъ по нѣсколько копѣекъ «на чай».

— «Конечно, это дѣло хорошее»,—согласился и Сидоровъ:—«только зачѣмъ деньгами давать. Не лучше-ли впрямь послѣ пожара дружинникамъ полведерки, а то и четверти три вина отъ міра ставить».

— «Вотъ этого-то мнѣ и не хочется. Я знаю, что если послѣ пожара дружинники выразятъ желаніе выпить, то міръ не только удовлетворитъ ихъ, но и самъ приметъ участіе въ ихъ компаніи. И тогда вмѣсто 3—5 рублей будетъ израсходовано 15—20 рублей, такъ какъ для всей деревни, конечно, придется покупать вина нѣсколько ведеръ. А тутъ, дадите на руки, ну хоть по 20 коп., весь расходъ и ограничится четырьмя рублями. И, главное, пьянства не будетъ. Каждый спроситъ себѣ то, что ему нравится: кто чаю, кто меду, кто пива, а любители и водки».

— «Это правильно! Только изъ какихъ-же это средствъ мы будемъ на все это расходовать и на зрителя, и на лошадей, и на чай?»—спросилъ Сидоровъ:—«а вѣдь это еще не все, надо на страховку тратиться, надо на ремонтъ инструментовъ что-нибудь положить. Мало-ли въ пожаръ убытку можетъ быть! То кишка порвется, то багоръ сгоритъ, а то что-либо сломается или потеряется».

— «Вѣрно, Сидоровъ! Нужно и эти расходы имѣть въ виду. Но они не такъ велики, какъ ты думаешь. За страхованіе сарая и обоза Земство беретъ половинную премію, а если застраховать ихъ сразу на 5 лѣтъ, то еще дѣлается скидки болѣе двадцати процентовъ».

— «Ну, а сколько-же, къ примѣру, мы должны будемъ платить за шестьсотъ рублей, если и сарай и обозъ застрахуемъ на 5 лѣтъ?»—спросилъ Сидоровъ.

— «Сейчасъ скажу»,—разсчитывая на бумажкѣ, отвѣчалъ агентъ:—«съ казенной пошлиной и гербовымъ сборомъ за сарай 3 р. 40 к., а за обозъ 19 р. 55 к., а всего 22 р. 95 к., т. е. значить на годъ придется всего только по 4 р. 59 коп.

— «Это немного! За то ремонтъ замучить».

— «Да какой-же ремонтъ? Пока обозъ стоитъ покойно, то ему, при хорошемъ, конечно, присмотрѣ, и въ двадцать лѣтъ ничего не сдѣлается. Порча можетъ случиться только при тушеніи пожаровъ. Такъ наше Земство съ тѣмъ и страхуетъ, чтобы платить за все убытки, которые пожарный обозъ потерпитъ при тушеніи всякаго пожара».

— «А, это дѣло другое! Значить, въ такомъ случаѣ, весь ремонтъ произойдетъ на счетъ Земства?»

— «Да. Напримѣръ, порвете въ пожаръ рукавъ. Вамъ Земство пришлетъ новый. Испортится при тушеніи труба, Земство уплатитъ, что потребуется на ремонтъ, а то и новую трубу вышлетъ. Такъ и при всякомъ другомъ убыткѣ».

— «Такъ, значить, нашъ расходъ будетъ такой. Считай, Староста, на счетахъ»,—обратился къ старостѣ Сидоровъ:—«смотрителю 15 руб., на лошадей 15 рублей, на чай 15 рублей, страховка 5 рублей. Сколько всего?»

— «Пятьдесятъ рублевъ».

— «Однако изрядно! Откуда-же денегъ столько взять?»—обратился Сидоровъ къ агенту.

— «Откуда? Источники могутъ быть разные. Во-пер-

выхъ этотъ расходъ можно покрыть изъ суммъ общаго мірекаго дохода. Во-вторыхъ, можно разложить его на всехъ домохозяевъ села, по страховкѣ, или по ровну, или какъ-нибудь иначе. А то можно просто приобрести какія-нибудь особыя доходныя статьи».

— «Какія-же, къ примѣру?»

— «Въ нѣкоторыхъ селахъ, напр., пожарныя дружины содержать отъ себя стойки лошадей. Это даетъ имъ не только доходъ, но въ пожары у нихъ свои постоянные рабочіе и лошади. Въ другихъ, сельское общество отдаетъ имъ въ бесплатное пользованіе покосы. Да мало-ли есть способовъ обезпечить дружину определенными доходами, ничуть не обременяя этимъ селеніе».

— «Устраивать стойку намъ не сподручно. Потому въ Саловѣ имѣется земская стойка. Ну, а вотъ на счетъ покосу, это, кажись, дѣло подходящее, только не пойму какъ устроить»,—молвилъ староста.

— «Да очень просто: отдайте въ бесплатное пользованіе дружины или пустошь, которую неудобно бываетъ вамъ обществомъ дѣлать, и которую вы все равно сдаете въ аренду, или, какъ говорите, продаете».

— «Ну, а потомъ?»

— «А потомъ дружина въ какой-нибудь праздникъ когда нѣтъ своихъ работъ, пойдетъ и скоситъ ее. А зимой сѣно, тоже помочью, свезетъ въ городъ, и продастъ. А вырученныя деньги употребитъ на содержаніе пожарной части».

— «А, вѣдь, ловкая штука придумана, православные!»—восхищенно замѣтилъ староста:—«и намъ тогда не надо будетъ ни изъ мірскихъ платиться, ни съ домохозяевъ собирать. А прямо, давайте, отдадимте дружинѣ бесплатно «Мокрыя Лужки».

— «И, впрямь, «Мокрые Лужки» отдать!»—отозвался кто-то из толпы:—«потому все равно мы их сами не косимъ, неспособно дѣлать, и пропиваемъ, стыдно сказать, всего за два ведра».

— «А вѣрно!»—заговорилъ и Сидоровъ:—«зря все равно Лужки пропадаютъ. Я третьяго года косилъ ихъ, и хоть тогда, по случаю засухи, трава плохая была, а все-жъ накопилъ десять возовъ».

— «Ну, значить дѣло это будетъ подходящее»,—заговорилъ Иванъ Горбатовъ:—«косьба намъ ничего не будетъ стоить. Свеземъ сѣно въ городъ тоже даромъ. А, вѣдь, десять возовъ стоятъ въ городѣ 30—40 рублей. Чуть не весь расходъ покроемъ».

— «Ну, такъ какъ-же вы думаете, братцы!»—обратился агентъ къ сходу.

— «А такъ. Пушай дружина «Мокрыми Лужками» задарма пользуется и этимъ расходъ свой окупаетъ»,—послышались голоса.

— «Ну, а если не хватить?»—спросилъ трактирщикъ.

— «Ну, когда не хватить, то изъ мірскаго сбора добавимъ. Стоить-ли объ этомъ толковать!»—отвѣчала староста.

— «По моему, дохода съ «Мокрыхъ Лужковъ» будетъ вполне достаточно на покрытіе всѣхъ дружинныхъ расходовъ»,—замѣтилъ агентъ.—«Вѣдь будутъ года и безпожарные. Тогда и расходъ будетъ меньше и остатокъ получится. Да, кромѣ того, вѣдь помимо дохода отъ покось, могутъ случиться и другіе доходы».

— «Какіе-же это?»

— «Могутъ, при полезной дѣятельности дружины, явиться частныя пожертвованія отъ богатыхъ людей».

Особенно, если дружинѣ удастся спасти ихъ добро отъ неминуемой гибели. Страховыя общества и Земство могутъ выдать пособія. Наконецъ, вотъ вамъ еще статья дохода».

— «Какая-же это?»

— «А это ваша небрежность и лѣнь».

— «То есть какъ-же такъ?»

— «А такъ. Дружина обязана не только пожары тушить, но и заботиться о томъ, чтобы ихъ случалось возможно меньше. Имѣются обязательныя губернскія земскія постановленія для принятія извѣстныхъ мѣръ для предупрежденія пожаровъ. Напр., чтобы по веснѣ дымовыя трубы приводились въ порядокъ, окуты съ избъ убирались, пролеты отъ горючихъ матеріаловъ очищались, кадки съ водой у избъ ставились и т. д. За исполненіемъ жителями всего этого, обязанъ слѣдить пожарный староста, привлекая виновныхъ къ отвѣтственности на судъ».

— Ну, а гдѣ-же доходъ?»

— «А доходъ вотъ гдѣ. Весной пожарный староста долженъ осмотрѣть все село въ пожарномъ отношеніи. Если у кого найдется какой-либо безпорядокъ, то долженъ назначить срокъ, напр., въ три дня, или въ недѣлю, на приведеніе въ порядокъ или трубы, или пролеты и т. д. Если виновный въ непорядкѣ въ срокъ приказа пожарнаго старосты не исполнитъ, то тотъ долженъ привлечь его къ суду. Ну, а вы можете, по приговору, установить иначе. Если виновный въ непорядкѣ черезъ положенный срокъ приказа старосты не исполнитъ, то долженъ безъ суда уплатить на содержаніе дружины штрафъ, положимъ, въ 1 рубль. Если-же и послѣ этого онъ ничего не предприметъ къ устраненію непорядка, то тогда староста уже долженъ привлечь его къ суду».

— «А что-жь, это можно устроить! Потому, кто неаккуратенъ, тотъ и себя не бережетъ и другихъ подь несчастіе подводить. И за это его обязательно надо штрафовать. Впередъ будетъ аккуратенъ и послушенъ!»—высказалъ Сидоровъ.

— «Ну, вотъ вамъ и доходы нашлись! Я думаю при такихъ доходахъ въ хорошій годъ и излишки будутъ, а значить можно будетъ современемъ кое-что и про запасъ накопить».

— «А кто расходъ будетъ вести?» — спросилъ староста.

— «Получать деньги и расходовать ихъ будетъ пожарный староста. Приходъ и расходъ онъ долженъ будетъ записывать въ особую книгу. Ежегодно, въ январѣ, онъ долженъ давать отчетъ въ поступленіи и расходованіи сельскому сходу. Если будутъ остатки, то ихъ онъ долженъ вносить на книжку въ сберегательную кассу. И вообще, самое лучшее, если староста не будетъ держать на рукахъ болѣе 25 рублей. Остальные деньги пусть лучше хранить по книжкѣ».

— «И это хорошо! и ему и намъ спокойнѣе», — замѣтилъ кто-то.

— «Расходъ текущій извѣстенъ и пожарный староста знаетъ когда и сколько платить. Ну, а если случится покупать что-нибудь новое, или вообще производить какія-нибудь особенныя траты, то онъ долженъ посоветываться объ этомъ со всей дружиной и даже со всѣмъ сельскимъ сходомъ».

— «Это само собой понятно. А то порядку не будетъ».

— «Теперь, кажется, я обо всемъ переговорилъ»,—

молвилъ агентъ, прикладывая руку ко лбу, и какъ-бы вспоминая что-то.—«Да, чуть было не забылъ! У васъ вотъ есть трактиръ, двѣ чайныхъ лавки и, кажется, бараночное заведеніе. Въ виду того, что эти заведенія огнеопасны, такъ какъ въ нихъ цѣлый день печи топятся, то слѣдуетъ обязать ихъ, чтобы каждое изъ нихъ всегда около себя имѣло-бы бочку съ водой, на ходу. Въ пожары-же въ вашемъ селѣ, они обязаны въ этихъ бочкахъ бесплатно возить воду къ вашей трубѣ».

— «Да мы и такъ бочки имѣемъ и въ пожары воду возимъ»,—отвѣтилъ Сидоровъ.

— «Тѣмъ лучше. Значить это требованіе не причинить вамъ особаго безпокойства».

— «Ну, теперъ, кажется все. Такъ, какъ-же, братцы, согласны вы все устроить такъ, какъ я сказалъ?»

— «Согласны! Согласны! Чего объ этомъ говорить!»—раздались голоса изъ толпы.

— «Ну, если согласны, то надо будетъ это ваше согласіе заключить приговоромъ».

— «Что-же, коли нужно, то мы и приговоръ подпишемъ! Валяй староста, пиши приговоръ!»

Черезъ полчаса приговоръ былъ готовъ и агентъ прочиталъ слѣдующее:

«1890 года, Декабря 12 дня, мы, нижеподписавшіеся домохозяева села Спинова, Слободской волости, Холмскаго уѣзда, по приглашенію сельскаго старосты Андрея Филатова были собраны сего числа на сельскій сходъ, причемъ, изъ общаго числа 120 домохозяевъ, явились 95 человекъ, и выслушавъ предложеніе Холмскаго Агента Земскаго отъ огня страхованія, о необходимости устройства и упорядоченія въ нашемъ селѣ пожарной ча-

сти, и посовѣтовавшись между собою, единогласно постановили:

1) Завести за мірской счетъ общественный пожарный обозъ, стоимостью въ пятьсотъ рублей и въ составѣ слѣдующихъ предметовъ: 1) 1 пожарная труба, 2) 1 конная двухъ-колесная бочка, 3) три ручныхъ двухъ-колесныхъ бочки, 4) 1 ходъ на желѣзныхъ осяхъ, троечный, подъ трубу и ломовые инструменты, 5) 20 пеньковыхъ ведеръ, 6) 10 топоровъ съ клыками, 7) 10 кобуровъ и ремней для топоровъ, 8) 6 багровъ, 9) 3 лома, 10) 1 ломовой крюкъ съ цѣпью и канатомъ, 11) 1 кошка съ веревкой, 12) 1 двухъ-колесная сдвижная лѣстница, 13) 5 швабръ, 14) 2 желѣзныхъ лопаты, 15) 10 лопатъ деревянныхъ, 16) 1 черпакъ, 17) 1 факель керосиновый, 18) 1 маслянка, 19) 1 французскій ключъ, 20) 1 фонарь, 21) 1 зимній полокъ подъ трубу и для ломовыхъ инструментовъ, 22) 2 зимнихъ бочки на саняхъ.

2) Для помѣщенія пожарнаго обоза выстроить, за мірской счетъ, сарай мѣрою въ 15 аршинъ длины, 10 ширины и $4\frac{1}{2}$ высоты.

3) Для работъ пожарнымъ обозомъ въ пожары и для наблюденія за нимъ и вообще за пожарною частью въ нашемъ селѣ, учредить пожарную дружину въ составѣ 25 человекъ.

4) По вызову старосты изъявили свое добровольное согласіе состоять въ дружинѣ только 19 человекъ, а потому опредѣлено въ качальщики ежегодно назначать 6 человекъ, очередныхъ изъ домохозяевъ села, а то и болѣе того, если потребуется.

5) Должности между членами дружины распредѣлить такъ: а) Пожарный—староста Иванъ Горбатовъ; б) Смо-

тритель сарая и обоза—Феклисть Ковалевъ; в) Ствольщикъ—Семень Сидоровъ; г) наблюдать за забирнымъ рукавомъ и качальщиками—Михаилъ Степановъ; д) наблюдать за выкиднымъ рукавомъ—Филиппъ Ивановъ; е) Водоснабдитель Андрей Филатовъ; ж) Топорниками—Иванъ Прохоровъ, Сидоръ Голодай, Федоръ Бакановъ, Иванъ Грудининъ, Михаилъ Мининъ, Сергѣй Борисовъ, Алексѣй Ульяновъ, Иванъ Рыковъ, Василій Архиповъ и Дмитрій Сидоровъ; з) къ ломовому крюку и кошкѣ—Захаръ Большой и въ помощники къ нему—Петръ Загибинъ; и) къ баграмъ—Яковъ Николаевъ и Андрей Хапугинъ; і) качальщики: Никита Степановъ, Иванъ Сухой, Василій Ивановъ, Евфимъ Петровъ, Спиридонъ Савельевъ и Макарь Архаровъ.

6) Пожарный обозъ вывозить на пожары въ своемъ селѣ ручнымъ способомъ, а въ окрестныя селенія на наемныхъ лошадяхъ, за плату за пару подъ трубу 3 р., а подъ бочку 2 рубля за пожаръ. Подъ трубу обязался лошадей подавать Семень Сидоровъ, а подъ бочку обязаны подавать лошадей тѣ изъ домохозяевъ, у которыхъ вполухъ онѣ окажутся дома.

7) Въ окрестности дружина должна выѣзжать въ составѣ 6 человекъ съ 1 трубой и прочими инструментами и съ 1 бочкой.

8) Выѣзжать дружина обязана на пожары въ слѣдующія селенія: Маковку, Вѣрино, Вандышево, Горку, Еремиху, Салово, Зыбино, Юркино, Макарово, Негодяево и Батенево.

9) Смотрителю сарая и обоза назначается вознагражденіе по 15 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ денегъ часть употреблялась имъ на покупку смазочныхъ

средствъ, красокъ и прочаго, что будетъ требоваться для содержанія обоза въ чистотѣ и порядкѣ.

10) Послѣ каждаго пожара, смотря по времени работы, выдавать членамъ дружины *часы* отъ 15 до 25 копѣекъ каждому, прямо на руки.

11) Страховать обозъ и пожарный сарай въ Земствѣ разомъ на пять лѣтъ.

12) Для покрытія расходовъ по содержанію дружины и обоза, предоставляемъ въ бесплатное пользованіе дружины, впредь пока она будетъ существовать, покосъ подъ названіемъ «Мокрые Лужки», съ тѣмъ, чтобы сѣно съ этого покоса продавалось, а деньги поступали въ полное распоряженіе дружины. Если-же дохода отъ покоса не будетъ хватать на содержаніе дружины и обоза, то недостающую сумму выдавать изъ общихъ мірскихъ суммъ.

13) Завѣдывать приходомъ и расходомъ долженъ пожарный староста. Приходъ и расходъ онъ долженъ вписывать въ особую книгу. Книга эта должна представляться для ревизіи агенту, старшинѣ и прочему начальству, если оно пожелаетъ старосту провѣрить. Ежегодно въ Январѣ, староста долженъ давать отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ общества сельскому сходу. Если потребуется произвести расходъ неуказанный въ семъ приговорѣ, то пожарный староста обязанъ о немъ посоветоваться съ дружиной, а при крупныхъ размѣрахъ и съ сельскимъ сходомъ. На рукахъ у старосты не должно быть болѣе 25 рублей дружинныхъ денегъ. Излишнія деньги должны храниться въ сберегательной кассѣ по книжкѣ.

14) Пожарный староста избирается вновь на общемъ сельскомъ сходѣ черезъ три года. На его обязанности ле-

жить: а) вести списокъ членовъ дружины, записывая вновь вступающихъ и исключая выбывающихъ; б) получать и расходовать денежные суммы, ведя записи въ особой книгѣ; в) наблюдать за порядкомъ, исправностью и цѣлостью пожарнаго имущества; г) наблюдать за жителями, чтобы они принимали установленныя земствомъ и закономъ мѣры предосторожности отъ пожаровъ; д) вести всё дѣла дружины и распоряжаться тушеніемъ пожаровъ.

15) Всѣ остальные жители села, не вступившіе въ составъ пожарной дружины, обязаны помогать ей въ тушеніи пожаровъ и предупрежденіи ихъ слѣдующими мѣрами: а) въ пожаръ въ своемъ селѣ жители обязаны подавать воду къ трубѣ въ дружинныхъ бочкахъ, или собственными ведрами, кадками и ушатами; б) качать трубу, растаскивать при помощи ломового крюка и багровъ горящія строенія; в) назначать изъ своей среды караульныхъ на пожарище; г) весной, по приказу пожарнаго старосты, немедленно очищать избы отъ окуръ, а пролеты отъ хворосту и прочаго горючаго матеріала; д) исправлять дымовыя трубы и ставить воду въ кадкахъ около избъ, на все лѣто; е) содержать круглый годъ ночную пожарную стражу, по найму или по череду, а съ 1 Юля по 1 Октября и дневную.

16) Жители, уличенные въ несоблюденіи мѣръ предосторожности отъ пожаровъ, и не исполнившіе приказа пожарнаго старосты въ положенный срокъ, должны безпрекословно уплачивать на содержаніе дружины, штрафъ въ 1 рубль. А за неисполненіе приказа старосты и послѣ этого будутъ подвергаться отвѣтственности по суду.

Въ чемъ и подписуемся домохозяева села Спинова, Слободской волости».

Приговоръ былъ подписанъ безъ всякихъ протестовъ. Сначала переспросили всѣхъ неграмотныхъ:

— «Согласенъ, дядя Иванъ?»

— «Извѣстно, согласенъ»,— слѣдовалъ отвѣтъ и имя и отчество Ивана Косого вписывалось въ приговоръ. Потомъ такъ-же поступали со слѣдующимъ. Когда были записаны всѣ неграмотные, стали подходить грамотные и росписываться «за неграмотныхъ по ихъ личной просьбѣ, а равно и за себя». Приговоръ оказался подписаннымъ 95 домохозяевами.

— «Ну, слава тѣ Господи!»—крестьянъ, проговорилъ сельскій староста:—«дѣло покончили теперь. Вы, ваше благородіе, обозъ готовьте, а мы тѣмъ временемъ сарай поставимъ».

— «Ладно, ладно, староста!»—отирая потъ отвѣчалъ агентъ:—«какъ будетъ все готово у меня, то я дамъ вамъ знать, а вы за обозомъ лошадей присылайте. А по веснѣ, къ какой-нибудь праздникъ, и обозъ освятимъ и дѣйствія дружины откроемъ».

— «Дай-то Богъ до этого дожить!»—проговорилъ староста, опять крестьянъ.

— «А приговоръ, староста, ты снеси въ Волостное Правленіе, пусть его въ книгу запишутъ, а потомъ къ Земскому Начальнику отправятъ. Какъ Земскій Начальникъ приговоръ утвердитъ, тогда, значить и дружина будетъ узаконена».

— «А вдругъ они противъ будутъ?»—заволновался Иванъ Горбатовъ.

— «Успокойся! Никто не можетъ быть противъ такого хорошаго и полезнаго учрежденія, какъ пожарная дружина. Напротивъ, Земскій Начальникъ и Губернаторъ,

и высшее правительство только и хлопчатъ о томъ, чтобы сельскихъ пожарныхъ дружинъ было больше. Такъ какъ только они и помогутъ сберечь народное богатство отъ бесполезнаго уничтоженія безпощаднымъ и свирѣпымъ «краснымъ пѣтухомъ».

VIII.

Прошла зима и наступила весна, а вмѣстѣ съ ней начались и пожары. Спировцы сѣшшили скорѣе освятить свой пожарный обозъ и открыть дѣйствія дружины. Для этого былъ назначенъ Георгіевъ день (23 Апрѣля).

Георгіевъ день удался погожій и теплый. Пожарный обозъ былъ поставленъ въ рядъ противъ красиваго пожарнаго сарая. Все было новенькое и блестяло на солнцѣ. Обозъ былъ выкрашенъ масляной краской. Бочки и полокъ подъ машиной въ темносѣрый цвѣтъ, а колеса, оглобли и ходы въ красный. Желѣзныя части были покрыты чернымъ каретнымъ лакомъ. Лѣстница, багры, ломы, лопаты, топоры тоже были выкрашены въ красный и черный цвѣтъ. Это было сдѣлано для того, чтобы желѣзныя части не ржавѣли, а деревянные не портились отъ сырости, и чтобы ихъ не разодрало отъ жары. Крашеный обозъ вообще легко содержать въ чистотѣ, такъ какъ онъ легче моется, а если его протирать хоть изрѣдка составомъ изъ смѣси: 1 фунта керосину, 1 фунта сыраго льнянаго масла и поль-фунта спиртоваго краснаго лаку, то долгое время будетъ сохранять блестящій новый видъ.

Около обоа сгруппировались дружинники, а около нихъ

тѣснились Спировцы и крестьяне другихъ деревень, собравшіеся посмотрѣть на торжество открытія дружины.

Дружинниковъ сразу можно было отличить по головнымъ уборамъ. Агентъ привезъ имъ, въ видѣ подарка отъ Земства, фуражки съ красными околышами и съ слѣдующими тремя буквами надъ козырькомъ: «С. П. Д.», что означало: «Спировская Пожарная Дружина». Для пожарнаго-же старосты онъ привезъ мѣдную каску. Всѣ дружинники были въ пиджакахъ, опоясанныхъ ремнями. У топорниковъ съ боку въ кобурахъ висѣли топоры. Вообще, дружинники имѣли какой-то особый бравый видъ и совершенно не походили на остальныхъ Спировцевъ, развалистыхъ мужичковъ.

— «Сейчасъ придетъ батюшка»,—проговорилъ подошедшій къ дружинѣ агентъ,—«надо будетъ, староста, построить дружину передъ обозомъ въ два ряда».

— «Слушаю, ваше благородіе!»—по военному отчеканилъ Иванъ Горбатовъ и повернувшись на лѣво кругомъ скомандовалъ:

— «Дружина, стройся!»

Дружинники быстро построились въ двѣ шеренги, по росту.

Агентъ улыбнулся и промолвилъ:—«А ловко они у тебя намуштрованы».

— «Цѣлый вечеръ вчера съ ними бился, насилу обломалъ!»

— «Молодымъ-то ничего, легко приучаться, а вотъ намъ старикамъ не больно сладко»,—улыбаясь проговорилъ Захаръ Большой, поднявъ голову и выпятивъ впередъ сѣдую бороду.

— «Ничего, дядя Захаръ, потерпи»,—смѣясь замѣтилъ

Сидоровъ:—«не ты одинъ муку принимаешь и намъ со старостой не особенно-то это по вкусу».

— «Дѣлать нечего»,—засмѣялся и староста Андрей Филатовъ:—«назвался груздемъ, такъ и полѣзай въ кузовъ».

— «И къ чему это? развѣ на пожарѣ-то маршировать будете?»—насмѣшливо спросилъ волостной старшина.

— «Да это, то есть обученіе строю и командѣ, нужно вовсе не для маршировки»,—началъ разъяснять ему агентъ, — «а для того, чтобы приучить дружинниковъ къ порядку, къ выслушиванію команды и распоряженій, къ стройности дѣйствій. Работа простой толпы и обученной дружины сильно отличается. Толпа шумитъ, кричитъ, суетится, никого не слушаетъ и въ результатѣ мало приноситъ пользы дѣлу огнетушенія. Въ этомъ-то и заключается ея безсилие. А небольшая дружина, привыкшая работать быстро, но не торопясь и не суетясь, безъ шума и крика, выслушивая приказанія и распоряженія старосты, и приводя ихъ безпрекословно въ исполненіе, будетъ работать плодотворнѣе и принесетъ большую пользу, нежели не обученная, не организованная тысячная толпа. Вотъ видѣли, сказали имъ Горбатовъ всего два слова, а они моментально построились, какъ слѣдуетъ. Ну, а командуй необученной толпѣ, она и въ часъ не построится. А разъ дружинники съумѣли хорошо и быстро построиться, то такъ-же хорошо и быстро они съумѣютъ исполнить и другое приказаніе. Скажетъ: «качальщики снять машину», — они и снимутъ, или скомандуетъ: «топорники на крышу» и всѣ топорники тѣмъ или инымъ способомъ постараются очутиться на крышѣ».

— «Да мы, ваше благородіе, этому еще не обучены»,—замѣтилъ кто-то изъ дружинниковъ.

— «Современемъ Иванъ васъ всему научить».

— «А, вѣдь, правильно вы все говорите, ваше благородіе!»—замѣтилъ трактирщикъ Сидоровъ:— «Большой навѣкъ нужно, чтобы слушать и какъ слѣдуетъ исполнять самую пустяшную команду. Посмотрѣли-бы вы вчера на насъ, такъ животики надорвали-бы! Староста командуетъ: «глаза на право». А мы и начнемъ головы изъ стороны въ сторону вертѣть, и не можемъ сразу сообразить, въ которую-же сторону надо глядѣть».

— «А съ поворотами-то развѣ лучше было?»—добавилъ кто-то изъ дружинниковъ:— «скомандуетъ это староста намъ: «поворотъ на лѣво», а мы и ну изъ стороны въ сторону вертѣмся. Точно у тебя клинъ кто въ башку забилъ, не сообразишь, да и только, гдѣ лѣвая, а гдѣ правая сторона! Ну, а опосля привыкли и стали дѣлать все, какъ слѣдуетъ».

— «А ну, покажи-ка, какъ они у тебя дѣйствуютъ?»—обратился агентъ къ Горбатову. Тотъ произвелъ разнаго рода команду; даже скомандовалъ ряды сдвоить, и дружина, хотя не чисто, но все-таки умѣло исполняла все, что ей командовали.

Подожель церковный причтъ и священникъ началъ облачаться.

— «Шанки долой!»—скомандовалъ Иванъ Горбатовъ и дружина, а съ нею и весь народъ, моментально обнажилъ головы.

Началось молебствіе. По окончаніи его священникъ, въ сопровожденіи агента, волостного старшины и пожарнаго старосты, обошелъ и окропилъ святой водой весь пожарный обозъ и сарай. А возвратившись на мѣсто молебствія, обратился къ дружинѣ съ слѣдующимъ краткимъ словомъ:

— «Братія! Наконецъ-то и наше село прониклось сознаниемъ необходимости бороться съ пожарнымъ бѣдствіемъ и у насъ основалась дружина, принявшая на себя трудную обязанность борьбы съ огненной стихіей! Нельзя не порадоваться, нельзя не привѣтствовать, это по истинѣ благое, по истинѣ христіанское начинаніе! Пожарное зло, ужасное зло! Ежегодно сотни тысячъ россіянъ остаются вслѣдствіе пожаровъ безъ крова, безъ одежды, безъ пищи. Не мало и человѣческихъ жертвъ бываетъ въ пожары. Стонъ, вопль и плачь обездоленныхъ и въ конецъ разоренныхъ пожаромъ слышатся повсюду и чуть не ежедневно. Однимъ словомъ, пожарное бѣдствіе, есть одно изъ самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій нашей родины! И долгъ всякаго добраго христіанина бороться по мѣрѣ силъ и возможности съ этимъ ужаснымъ бѣдствіемъ, и облегчать участь страждущихъ и обездоленныхъ! А потому, какое-же значить, великое, полезное и благое дѣло зачали вы, соединившись въ дружину и снарядившись всякаго рода огнегасительными орудіями и инструментами! Вы возстали не ради личныхъ корыстныхъ цѣлей, а на защиту и охрану достоянія, трудовыхъ накопленій, а можетъ быть и жизней вашихъ братій. А посему ваша предстоящая пожарная дѣятельность будетъ не только почтена, но и крайне серьезна и отвѣтственна. А, можетъ быть, и рискована, такъ какъ защищая своихъ близкихъ, вы будете подвергать, не малой опасности и ваше здоровье и даже, быть можетъ, и самую жизнь. Но да хранитъ васъ Господь! И да снизойдетъ на васъ Его благословеніе въ вашемъ добромъ и святомъ начинаніи! И пусть будетъ наградою за труды ваши, за самоотверженіе и безкорыстное служеніе на пользу братій своихъ,

сознаніе, что вы живете не только для себя, но и для пользы, охраны и защиты ближнихъ своихъ! И помните, други, священныя слова нашего Спасителя:—«истинно говорю вамъ, поелику вы сдѣлали сіе (то-есть доброе дѣло) одному изъ братьевъ моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ». А посему, всякая помощь, оказанная вами близкимъ своимъ, какъ велика, или мала она ни была-бы, будетъ принята Господомъ нашимъ, какъ сдѣланная Ему Самому.

Дружинники видимо были тронуты словами батюшки.

По окончаніи слова, дружинники по порядку приложились ко кресту. Затѣмъ священникъ поздравилъ ихъ съ началомъ дѣла и, пожелавъ успѣха въ предстоящей дѣятельности, сталъ разоблачаться.

— «Накройся!»—скомандовалъ пожарный староста и дружина надѣла фуражки. Тогда выступилъ впередъ агентъ и произнесъ:

— «Поздравляю васъ, братцы, отъ лица Земства и отъ себя лично, съ открытіемъ дѣйствій Спировской Пожарной Дружины и желаю вамъ ревностно и плодотворно работать, защищая имущество и жизнь вашихъ ближнихъ! И пусть борьба ваша съ исконнымъ бичемъ селъ и деревень, съ краснымъ пѣтухомъ, увѣнчается полнымъ успѣхомъ!»

— «Рады стараться!»—крикнула въ отвѣтъ дружина.

— «А теперь, я предложилъ-бы вамъ, дружинники»,—продолжалъ агентъ:—«открыть ваши дѣйствія примѣрными упражненіями съ пожарной трубой и другими инструментами. Староста, распорядись направить весь обозъ вонъ къ тому дому».

По командѣ пожарнаго старосты, обозъ былъ дружинниками привезенъ на указанное мѣсто. Нѣкоторые дру-

жинники приступили было къ снятію съ хода трубы, но агентъ остановилъ ихъ и скомандовавъ построиться, обратился къ нимъ съ такою рѣчью:

— «Братцы! наши села и деревни только потому часто выгораютъ сплошь и до тла, что жители ихъ вовсе не борются съ огнемъ. И ваше село горѣло безпомощно и не одинъ разъ. Но теперь, съ учрежденіемъ дружины, положеніе мѣняется, такъ какъ на вашей обязанности будетъ лежать при звукѣ набата, при крикѣ: «горимъ, пожаръ», бѣжать не домой спасать свое имущество, какъ это было до сихъ поръ, а прямо на пожаръ. Мало быстро прибыть на мѣсто пожара, нужно знать, что и какъ тамъ дѣлать. Каждому изъ васъ уже указаны его прямыя обязанности и остается только хорошенько обучиться вамъ, какъ нужно работать и дѣйствовать тѣми орудіями и инструментами, къ которымъ вы приставлены. Это можетъ быть достигнуто примѣрными упражненіями въ праздничные дни. Для этого ты, староста, собирай дружинниковъ по праздникамъ, хоть разъ въ мѣсяцъ.

— «Слушаю, ваше благородіе!»

— «На пожарѣ вы должны безпрекословно исполнять всѣ приказанія вашего старосты, такъ какъ распоряжаться общимъ тушеніемъ пожара будетъ онъ, а вы обязаны будете дѣлать только то, что явится необходимымъ дѣлать по его соображенію. Работа ваша должна совершаться быстро, но безъ суеты, шума и криковъ. Прибѣгая на пожаръ, вы должны обращаться къ старостѣ за распоряженіями и быть тамъ, гдѣ укажетъ онъ вамъ быть. И вообще не слѣдуетъ разбѣгаться по всему пожарищу. Если кому потребуется уйти съ пожара, то онъ обязанъ объ этомъ заявить старостѣ. Запомните эти общія наставленія и исполняйте ихъ».

— «Постараемся»,—отвѣчали дружинники.

— «Теперь я долженъ сказать каждому изъ васъ о вашихъ прямыхъ обязанностяхъ. Ты, староста, прибывъ на пожаръ, прежде всего долженъ осмотрѣться и соображаясь съ вѣтромъ, направленіемъ огня, расположеніемъ сосѣднихъ построекъ, составить въ головѣ планъ тушенія. Всѣ старанія дружины должны быть направлены на то, чтобы приостановить распространеніе огня и расширеніе площади пожара. Поэтому ты долженъ сообразить, какія постройки слѣдуетъ сломать вовсе, какія отстаивать. Работать вамъ придется подъ огнемъ, то есть стоя подъ вѣтромъ, но ты никогда не ставь трубу прямо противъ огня, а дѣйствуй, хотя и противъ вѣтра но немного со стороны. Многие, неопытные люди ставятъ трубы подъ вѣтромъ въ самыхъ пролетахъ и когда пламя и жаръ, вслѣдствіе порыва вѣтра, направляются въ этотъ пролетъ, то они трубу бросаютъ на произволь судьбы и она сгораетъ. Поэтому трубу надо ставить хотя и впереди огня, но немного со стороны».

— «Да подъ вѣтромъ-то, хоша и со стороны, не устоять, пожалуй, потому жарко будетъ»,—замѣтилъ кто-то изъ дружинниковъ.

— «А за вѣтромъ, дѣйствительно, хотя работать и легче, но зато пользы никакой не будетъ»,—отвѣчалъ агентъ:—«Когда избы расположены гнѣздами, то за вѣтромъ обыкновенно сгораетъ только одна сосѣдняя по гнѣзду изба. Черезъ пролетъ-же постройки загораются очень рѣдко. Напротивъ, по вѣтру, если не сопротивляться огню, выгоритъ все сподрядъ».

— «Само собой понятно, что врага надо встрѣчать лицомъ къ лицу»,—замѣтилъ Сидоровъ.

— «Тебѣ, Сидоровъ, какъ ствольщику, придется именно встрѣчать врага лицомъ къ лицу. Но знай, что твои силы въ борьбѣ съ нимъ всегда будутъ слабы. Въ деревнѣ, при недостаточной подачѣ воды, затушить пожаръ при посредствѣ только трубы невозможно. Работая съ перерывами, она не въ состояніи будетъ потушить огонь окончательно. При ея остановкахъ онъ опять будетъ входить въ силу. Поэтому задачей трубы будетъ просто ослабленіе зноя и жары, для облегченія работы съ ломовымъ крюкомъ, баграми, топорами. Вообще, при недостаткѣ воды, всѣ ваши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы возможно скорѣе разломать горящую постройку. Когда она будетъ повалена, то потушить ее уже не трудно, такъ какъ отдѣльныя бревна, балки и доски легко растаскивать баграми и топорами и затушить швабрами».

— «О, мы живымъ манеромъ какой угодно домъ повалимъ и разнесемъ!»—хвастливо воскликнулъ Захаръ Большой.

— «Негоже, дядя Захаръ, хвастаться, идучи на рать!»—остановилъ его староста Андрей Филатовъ.

— «Занимаясь тушеніемъ горящаго дома»,—продолжалъ агентъ:—«не нужно ни на минуту упускать изъ виду сосѣднихъ построекъ, расположенныхъ подъ огнемъ. Если пожаръ слабъ, или между горящей постройкой и сосѣдней большой разрывъ, то отстоять ее легко, поливая время отъ времени водой изъ трубы. Но если она расположена близко, или огонь вѣтромъ сильно кидаетъ въ ея сторону, такъ что отстаивать ее трудно, то самое лучшее ее поскорѣе сломать. Если на сосѣднихъ постройкахъ крыши соломенные, то всегда, для безопасности, слѣдуетъ ихъ убрать. А то и въ слабый пожаръ можетъ въ солому запастъ искра и зажечь ее».

— Ну, а если сосѣдняя постройка защищена отъ пожара деревьями, тогда какъ поступать? — спросилъ Иванъ Горбатовъ.

— «Деревья, хотя и ослабляютъ силу огня и жара, но все-таки не представляютъ изъ себя солидной защиты, а потому постройки, защищаемыя ими, надо также поливать водой, а то, если онѣ неминуемо должны сгорѣть, и ломать. Но при хорошей обсадкѣ, огонь обыкновенно угрожаетъ не сосѣдней, стоящей за деревьями, постройкѣ, а слѣдующей за ней. Обыкновенно у нея загорается крыша, отъ искръ, перелетающихъ черезъ домъ, защищенный деревьями. Если пожаръ сильный, а подъ вѣтромъ расположены скученныя постройки, то самое лучшее ихъ поскорѣе всѣ сломать, такъ какъ большую застроенную площадь отстоять труднѣе, чѣмъ какой-нибудь одинъ домъ и если огонь появится въ скученномъ мѣстѣ, то пожаръ можетъ принять такіе грандіозные размѣры, что борьба съ нимъ будетъ не по силамъ небольшой дружинѣ. Вообще, чтобы легче бороться съ огнемъ, необходимо его обособить, т. е. окружить значительнымъ пустымъ пространствомъ, разломавъ всѣ постройки, которыя отъ близкаго сосѣдства могутъ загорѣться. Начинайте ломать всегда съ крыши. Запомни все это, староста!»

— «Постараюсь запомнить, ваше благородіе!»

— «Теперь, снимите трубу!»

Къ трубѣ разомъ кинулись нѣсколько человѣкъ.

— «Стой! куда вы?» — остановилъ ихъ агентъ: — «чтобы снять трубу, достаточно всего четырехъ человѣкъ. И съемку должны производить качальщики. А въ это время трубники будутъ готовить рукава и стволь, а остальные качальщики качальныя палки. Ну, те-

перь, первые въ ряду четыре качальщика, слушать команду:

— «Трубу снять!»

Четверо качальщиковъ подбѣжали къ ходу, быстро отвязали трубу; сдвинули ее съ дрогъ и перенесли на указанное мѣсто.

— «Трубу собрать!» — командовалъ агентъ, и трубники кинулись свинчивать рукава и стволь, а качальщики вставили палки и стали по мѣстамъ.

— «При сверткѣ гаекъ», — говорилъ агентъ, слѣдя за дѣйствіями трубниковъ, — «нужно обязательно вкладывать резиновыя или кожаныя кольца, а то труба будетъ работать слабо, брызгая водой. При разборкѣ трубы кольца надо вынимать и перевязывать бичевкой къ коромыслу».

— «Готово!» — крикнулъ Сидоровъ.

— «Подать бочку!» — командовалъ агентъ: — «Трубникъ при забирномъ рукавѣ долженъ самъ опускать рукавъ въ бочку и придерживать его рукой. А то отъ качки рукавъ можетъ выскочить вонъ, или, болтаясь въ бочкѣ, пропустить въ себѣ воздухъ. Когда рукавъ будете опускать въ колодець или въ прудъ, то нужно сѣтку помѣщать въ ведро, чтобы труба со дна не засосала песокъ, грязь и соръ. Твое-же дѣло слѣдить за подачей воды. Когда вода будетъ подходить къ концу, то ты долженъ требовать другую бочку. Ты-же слѣди за смѣной качальщиковъ и за ходомъ качки. Запомни все это!»

— «Хорошо, запомню».

— «А ты, трубникъ при выкидномъ рукавѣ, береги его какъ зеницу ока. Смотри, чтобы его не переѣхали, не порвали-бы бревнами или инструментами. Расправляй всѣ

изгибы и завороты. Если онъ порвется, то накладывай повязку, какъ указано въ особомъ наставленіи».

— «Слушаю!»

— «А ты, ствольщикъ!»— обратился агентъ къ Сидорову:—«изволь расхоловать воду осмотрительно и экономно. Зря не лей ее, куда не слѣдуетъ. Направляй струю въ самое пекло, гдѣ жарче горитъ. Старайся, чтобы больше пару развивалось, такъ какъ паръ огонь и тушитъ. Если нужно на время пріостановить струю, то кричи качальщикамъ: «Стой, не качай!» Стволь пальцемъ никогда не затыкай, а то или рукавъ отъ напора воды лопнетъ, или стволь по снаю разойдется».

— «Все это мы знаемъ!»— отвѣчалъ Сидоровъ.

— «Да во время тушенія посматривай и на работу топорниковъ и ломовиковъ. И если имъ работать жарко, то струей ослабляй около ихъ огонь, да и ихъ самихъ время отъ времени взбрызни. Знаешь какъ?»

— «Знаю, вотъ такъ, чуть пальцемъ отверстіе прикрывши».

— «Запасной рукавъ привинчивай только въ крайнемъ случаѣ, если трубу нельзя ближе перемѣстить. А то, знай, что чѣмъ длиннѣе выкидной рукавъ, тѣмъ струя слабѣе, а качальщикамъ труднѣе. Ну, теперь: качайте!»

Труба заработала очень хорошо. Сидоровъ, улыбаясь направлялъ струю и въ даль и вверхъ, и въ упоръ въ стѣну. Изъ толпы послышались возгласы одобренія и восторга.

— «Топорники на крышу!»—скомандовалъ агентъ.

Топорники взобрались на крышу очень быстро и разными способами. Одни начали карабкаться прямо на крышу двора, цѣпляясь крюкомъ топора, а оттуда влѣзли и на крышу дома. Другіе, закинувъ кошку, лѣзли по ве-

ревкѣ. Третьи, приставивъ шесты, взбирались по нимъ, какъ по шестамъ. А нѣкоторые предпочли сдвинуть лѣстницу и уже по ней взошли до крыши, а дальше поднялись, цѣпляясь клыками топоровъ за крышу. Вообще топорники ходили по крышѣ свободно, цѣпляясь клыками топоровъ, или придерживаясь за веревку отъ кошки. Посланы были на крышу и ломовики, и багорники, и трубники.

Затѣмъ дядя Захаръ Большой примѣрно заносилъ на багрѣ ломовой крюкъ и зацѣплялъ его за уголь дома.

Продѣлавъ многія упражненія, агентъ скомандовалъ:

— «Трубу разобрать и поставить на ходъ!» Приказаніе быстро было исполнено трубниками и качальщиками. Отвинтивъ рукава, трубники выпустили воду изъ нихъ, а также изъ трубы. Когда труба была поставлена на ходъ, то агентъ велѣлъ ее и полокъ протереть тряпками. Затѣмъ агентъ скомандовалъ: «пожарные инструменты собрать и положить на мѣсто!» Ходъ былъ устроенъ такъ, что на немъ помѣщалось положительно все пожарное имущество. Впереди былъ устроенъ ящикъ-сидѣнье и въ немъ укладывались: ломовой крюкъ, кошка, топоры, фуражки, ключъ и маслянка. Съ боку ящика былъ прикрѣпленъ факель. На наружной задней стѣнкѣ ящика былъ прибитъ ремень съ гнѣздами и въ эти гнѣзда были задвинуты швабры, ломы и двѣ желѣзныя лопаты задвигались подъ машину, такъ какъ подъ ея полкомъ было пустое мѣсто. Ходъ былъ сдѣланъ на желѣзныхъ осяхъ и безъ деревянныхъ подушекъ, которые замѣняли выгнутыя полосы желѣза. Вслѣдствіе этого, между заднею осью и полкомъ оставалось пустое пространство. Вотъ сюда-то и вдвигалась двухъ-колѣнная лѣстница, а поверхъ ея клялись багры, ло-

паты и прочее имущество. Когда все бывало подложено, то подтягивалось къ полку ремнями. Ведра были пеньковыя и потому занимали мѣста мало. 20 ведеръ, вдвинутыя одно въ другое, представляли изъ себя стопку не выше аршина. Ведра были прикрѣплены позади ящика-сидѣнья. Благодаря такому устройству, Спировцы получали возможность на одномъ экипажѣ вывозить положительно все имущество. Бочки были устроены двухъ-колесныя. Устройство ихъ было тоже просто. Бочку покупали готовую изъ-подъ керосина, вмѣстимостью въ 25 ведеръ. Бочку желѣзными скобами или обручами прикрѣпляли къ деревянной рамѣ, т. е. просто къ задней части оглобель. Ось была желѣзная и деревянную подушку замѣняли выгнутыя полосы желѣза. Колеса сдѣланы были вышиной въ $1\frac{1}{4}$ аршина. Такія бочки крайне легки на ходу. И на пожаръ безъ воды ихъ можно было-бы вывозить, просто прицѣпивъ сзади трубнаго хода. Съ водой, конечно, онѣ были тяжелѣе и тогда ихъ нужно везти отдѣльно.

Какъ ухаживать за трубой и другими орудіями агентъ не сталъ рассказывать, такъ какъ привезъ съ собой печатное наставленіе, которое и велѣлъ прибить въ сараѣ. Это наставленіе гласило слѣдующее:

I. Уходъ за пожарной трубой.

1) Труба должна всегда помѣщаться въ сараѣ. Въ защитѣ отъ пыли ее надлежитъ накрывать холщевымъ или рогожнымъ покрываломъ.

2) Зимой, если возможно, трубу слѣдуетъ ставить въ теплое помѣщеніе (въ избу или баню). Большаго тепла для нея не требуется, а потому помѣщеніе достаточно протапливать въ три дня разъ.

3) Труба должна всегда содержаться въ исправности, чистотѣ и опрятности, по временамъ надлежитъ ее снаружи протирать суконкой, смоченной въ смѣси масла и керосина; мѣдныя части чистить мелкимъ кирпичнымъ порошкомъ; поверхъ поршней въ цилиндрахъ всегда должно быть налито деревянное масло или несоленое сало; зимою, вмѣсто масла и сала, лучше употреблять для этой цѣли глицеринъ.

4) Во время работы на пожарахъ качать слѣдуетъ равномерно, полнымъ ходомъ, не чаще 60 разъ въ минуту.

5) Во время качки, трубу слѣдуетъ время отъ времени смазывать, пуская въ отверстія на оси коромысла и въ соединенія тяги поршней, а также на внутреннія стѣнки цилиндровъ несоленое сало или-же деревянное или машинное масло.

Не слѣдуетъ смазывать клапаны, а то они прилипаютъ къ ребрамъ конуса и труба не будетъ работать.

6) Если труба начинаетъ, почему-либо, плохо работать, то слѣдуетъ вынуть конусъ съ клапанами и осмотрѣть ихъ; затѣмъ, очистивъ отъ сора и грязи и ополоснувъ въ водѣ, поставить на мѣсто.

Случается, что труба начинаетъ плохо работать отъ грязной и сорной воды, тогда слѣдуетъ очистить, прокачавъ чистой водой.

7) Во время работы зимой, чтобы вода не замерзала въ трубѣ, необходимо производить непрерывную качку, хотя-бы и безъ воды; если-же, не смотря на это, труба все-таки остановится, то слѣдуетъ прокачать ее теплой водой; самое-же лучшее, при работѣ въ морозы, трубу все время согрѣвать при помощи особой грѣлки. Для этого берется жестяная коробка, наполненная паклей или ва-

той со спиртомъ, помѣщаютъ ее въ отверстіе доски подъ фундаментомъ, ниже конуса (у которыхъ трубъ такого отверстія нѣтъ, то слѣдуетъ его сдѣлать заранее) и зажигаютъ.

8) По окончаніи работы, надлежитъ немедленно отвинтить рукава, вынуть конусъ съ клапанами и выпустить воду изъ трубы.

9) Прежде чѣмъ поставить трубу послѣ работы въ сарай, надлежитъ ее очистить и обмыть отъ грязи снаружи и, вынувъ поршни изъ цилиндровъ, протереть ихъ до суха и такъ-же протереть и внутренность цилиндровъ; затѣмъ части трубы снаружи протереть суконкой, смоченной въ смѣси масла и керосина, а въ цилиндры, поверхъ поршней, наливать масло или сало.

Клапаны должны быть всегда протерты насухо и чиста; если на нихъ попадетъ масло или сало, то труба, какъ выше было сказано, не будетъ работать. Сало съ клапановъ, если таковое на нихъ попало, слѣдуетъ стирать тряпкой или щеткой, **но не ножомъ или твердымъ предметомъ**; при выниманіи конуса, не слѣдуетъ его класть въ песокъ, иначе песокъ не допуститъ конусу вполне войти въ свое мѣсто и можетъ случиться поврежденіе конуса; въ случаѣ, если конусъ былъ въ пескѣ, его слѣдуетъ сначала обмыть, а уже послѣ этого ставить въ свое мѣсто; при чисткѣ трубы и вообще безъ особой надобности, не слѣдуетъ отвинчивать воздушный колпакъ и цилиндры. Ребра конуса можно слегка смазать саломъ, дабы онъ легко выходилъ изъ фундамента трубы, но слѣдуетъ при этомъ остерегаться, чтобы сало не попало подъ клапанъ.

II. Уходъ за рукавами.

1) Выкидной пенковый рукавъ привинчивается къ отверстію воздушнаго колпака (верхнее отверстіе), а набирной—къ отверстію фундамента трубы, съ противоположной стороны.

2) Привертывать рукава надлежитъ возможно плотнѣе и обращать вниманіе при этомъ на то, чтобы внутри свертныхъ гаекъ, всегда находились кожанья или резиновья прокладныя кольца; безъ этихъ колецъ, плотная свертка гаекъ невозможна, а потому труба работаетъ слабо, со свистомъ и брызгая водой чрезъ гайки.

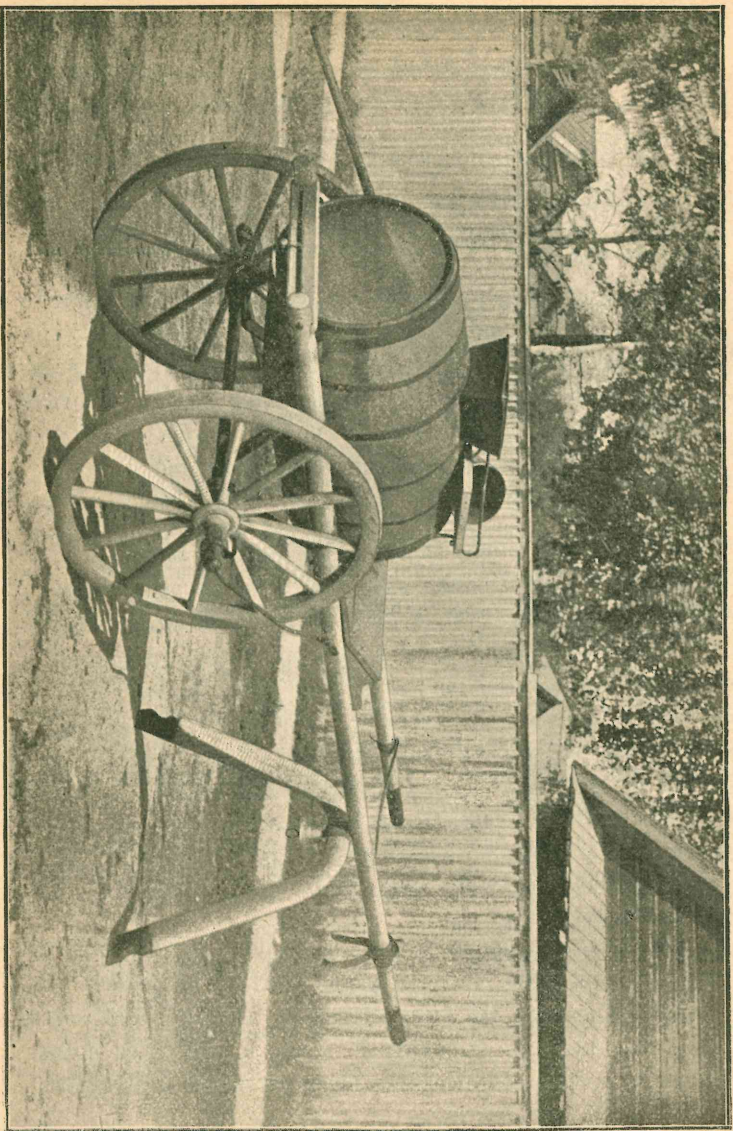
3) Въ случаѣ утраты кожаныхъ или резиновыхъ колецъ (ихъ всегда слѣдуетъ имѣть про запасъ), надлежитъ сдѣлать кольца изъ пенки или льна и смазать ихъ хорошенько масломъ; кожанья кольца время отъ времени, слѣдуетъ просаливать.

4) Во время работы выкидной рукавъ долженъ тянуться отъ трубы прямо безъ изгибовъ и колецъ; особенно этого слѣдуетъ избѣгать зимой, такъ какъ обмерзшіе рукава при малѣйшемъ изгибѣ ломаются и дѣлаются негодными къ употребленію.

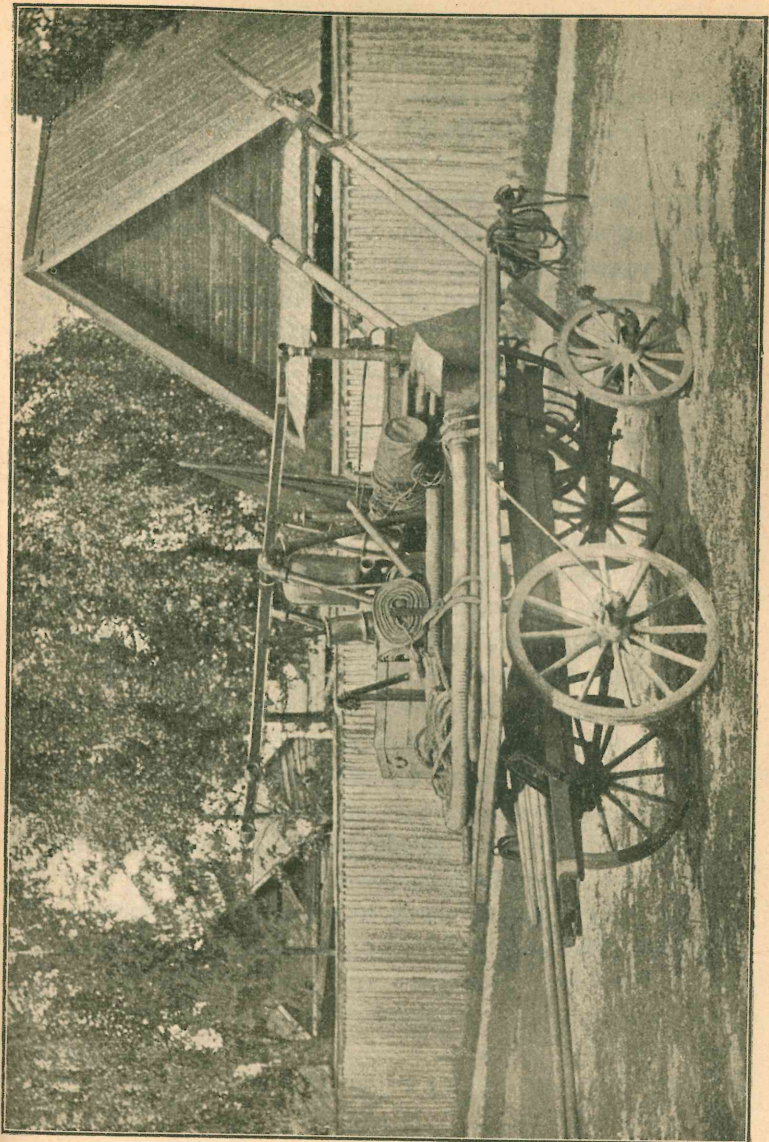
5) Во время качки воды не слѣдуетъ закрывать пальцемъ отверстіе ствола, такъ какъ отъ этого можетъ лопнуть рукавъ.

6) Если, во время работы, выкидной рукавъ лопнетъ и нѣтъ запасного, то на порванное мѣсто надлежитъ наложить повязку. Для этого порванное мѣсто обвертывается снаружи кускомъ сыромятной кожи, а сверхъ ея полотномъ и затѣмъ обматывается бичевкой въ оба конца; кожу,

Сельская пожарная бочка.

Сельский пожарный обозъ.

полотно и бичевку необходимо всегда имѣть въ запасѣ и брать на каждый пожаръ.

7) Если вода качается изъ пруда, канавы или колодца, то необходимо сѣтку набирного рукава опустить въ ведро, прикрѣпивъ его къ рукаву бичевкой; это слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы силой тяги со дна не насасывалась-бы въ трубу грязь и песокъ.

8) Послѣ каждаго дѣйствія трубой, рукава надлежитъ немедленно обмыть снаружи и внутри отъ грязи и сора и затѣмъ развѣсить для просушки. Для просушки рукава слѣдуетъ подвѣшивать отвѣсно, безъ изгибовъ; въ такомъ положеніи вода быстрѣе стекаетъ и рукава быстро сохнутъ. Не слѣдуетъ сушить рукава на солнцѣ, а лучше въ тѣни, на сквозномъ вѣтрѣ; не слѣдуетъ оставлять рукава, не просушивъ, въ свернутомъ видѣ, такъ какъ въ изгибахъ застываетъ вода, отчего ткань пропрѣваетъ и рвется.

9) Зимой рукава слѣдуетъ свертывать возможно скорѣе по прекращеніи качки, пока они не замерзли; затѣмъ не развертывать ихъ, не оттаявши, такъ какъ въ противномъ случаѣ они поломаются и сдѣлаются негодными къ употребленію; зимой рукава сушить слѣдуетъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ, развѣсивъ по стѣнамъ на деревянныхъ гвоздяхъ.

10) Рукава не слѣдуетъ ни смазывать, ни красить; выкидной рукавъ, для прочности, хорошо выдержать недѣли 2—3 въ дубильномъ кожевенномъ чапу.

и 11) О порчѣ рукавовъ и трубы слѣдуетъ немедленно заявлять мѣстному страховому агенту.

Когда обозъ былъ собранъ, то дружинники поставили его въ сарай, покрывъ покрывалами, шитыми изъ распоротыхъ мѣшковъ. Мокрые рукава были развѣшаны для просушки.

Когда все было готово, то агентъ еще разъ пожелалъ дружинѣ успѣха и вручилъ пожарному старостѣ отъ лица земства 10 рублей на угощеніе дружины. Дружина весело и шумно отправилась въ трактиръ Сидорова. Тамъ ей отвели отдѣльную комнату. И дружинники, усѣвшись за одинъ общій столъ, по русскому обычаю, дружно выпили за успѣхъ своего дѣла.

Такъ устроилась и открылась пожарная дружина въ селѣ Спировѣ.

Скоро Спировской дружинѣ пришлось принять участіе въ тушеніи пожара въ д. Еремихѣ. Пока дружина собиралась, да ѣхала, огонь успѣлъ охватить шесть домовъ. Но стоило Спировцамъ пріѣхать и распространеніе огня было какъ-бы отрѣзано. Работали они дружно и ловко. стараясь доказать, что они уже не прежніе простые мужички, а настоящіе пожарные, а потому рѣшительно не боялись ни огня, ни опасности, угрожавшей отъ валившихся бревень и досокъ. Хотя вѣтеръ былъ порядочный и тянулъ вдоль посада, угрожая распространить огонь на весь подвѣтренный конецъ деревни, но дружинники не допустили этого. Разломавъ и растаскавъ горящія избы, они быстро ослабили силу огня и пожаръ ограничился только шестью избами, загорѣвшимися до пріѣзда ихъ. Зато нужно было видѣть бабъ этого конца, со слезами на глазахъ, благодарившихъ Спировцевъ за свое спасеніе:

— «Охъ, если-бы не вы, соколики, горѣть-бы намъ сердечнымъ! И часу бы не устоять, потому вѣтеръ прямо дулъ на насъ. Спасибо вамъ, что во время пріѣхали, да работали не жалѣючи себя!»

Осенью случилось несчастье и въ Спировѣ. Загорѣлся въ самую полночь, какъ разъ трактиръ Сидорова. Всѣ спали, но набатъ быстро собралъ дружинниковъ. Интересно то, что Сидоровъ, проснувшись уже тогда, когда горѣлъ весь домъ, не сталъ спасать своего добра, а выскочилъ изъ окна въ каскѣ (каска онъ купилъ себѣ на собственныя деньги) и началъ работать стволемъ. Положимъ, злые языки говорили послѣ, что для Сидорова выгоднѣе было, чтобы имущество его сгорѣло, а не спаслось, такъ какъ все оно было очень хорошо застраховано.

Домъ Сидорова былъ деревянный, двухъ-этажный, съ желѣзной крышей. Вслѣдствіе высоты дома, пожаръ угрожалъ сосѣднимъ постройкамъ, а загорись они—и всему селу не сдобровать. Но дружинники такъ ловко работали, что пожаръ ограничился всего лишь однимъ Сидоровскимъ домомъ. Спировцы были въ восторгѣ отъ работы ломовымъ крюкомъ, позволившимъ быстро разнести весь домъ по частямъ. Труба работала безъ перерыва, такъ какъ четыре бочки и 20 пеньковыхъ ведеръ обезпечивали ее водой въ достаточномъ количествѣ. Вода подавалась быстро, положимъ, потому, что недалеко былъ церковный прудъ.

На пожаръ пріѣхала и Саловская труба. И опять Саловцы долго съ ней возились, а труба работала плохо, вызывая шутки и смѣхъ со стороны зрителей.

Послѣ пожара, многіе изъ молодыхъ мужиковъ и парней крестьянъ села Спирова и даже окрестныхъ селеній стали просить Ивана Горбатова записать ихъ въ дружину.

Но онъ принималъ въ дружину не всякаго. Удостоивались этой чести только люди сильные, неглухие и болѣе или менѣе трезвые.

Съ тѣхъ поръ прошло вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Пожары въ Спировѣ и окрестныхъ селеніяхъ не прекратились, но благодаря дѣйствіямъ дружины они уже не принимаютъ широкихъ размѣровъ и не уничтожаютъ сплошь все, что встрѣтится по вѣтру.

Слышно, что и Саловцы задумали устроить у себя пожарную дружину и уже просили Ивана Горбатова помочь имъ въ этомъ, на что онъ, конечно, съ удовольствіемъ согласился.

Нужно надѣяться, что скоро и другія крупныя села Слободской волости устроятъ у себя пожарныя дружины. Пора, наконецъ, показать красному пѣтуху, что сила не въ немъ самомъ, а въ безсиліи населенія. И когда населеніе сель и деревень объединится въ силу, называемую пожарной дружиной, то и безопаздному, сплошному уничтоженію—краснымъ пѣтухомъ—крестьянскаго добра—наступитъ конецъ!

К. Гюрданъ.

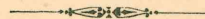
Перечень народных сочинений,

изданных Главнымъ Совѣтомъ, состоящаго
подъ Августѣйшимъ Почетнымъ Предсѣда-
тельствомъ Его Императорскаго Высочества Ве-
ликаго Князя Владиміра Александровича Соеди-
неннаго Россійскаго Пожарнаго Общества.

-
- 1) Несгораемая постройка (опытъ руководства
къ возведенію огнестойкихъ строеній, съ
102 рисунками въ текстѣ) . . . . . 40 коп.
  - 2) Устройство несгораемыхъ крышъ (опытъ
руководства къ устройству несгораемыхъ
крышъ, съ 41 рисункомъ въ текстѣ) . 20 »
  - 3) Заманиловская пожарная дружина . . . . . 2 »
  - 4) Упустишь огонь, не потушишь . . . . . 2 »
  - 5) Берегись и бойся огня . . . . . 2 »
  - 6) Какъ Спировцы спаслись отъ пожаровъ . 10 »

За пересылку взимается по вѣсу.

Главный Совѣтъ Соединеннаго Рос-
сійскаго Пожарнаго Общества со-
общаетъ бесплатно всѣмъ желаю-
щимъ свѣдѣнія по устройству по-
жарныхъ дружинъ, приобрѣтенію
пожарныхъ инструментовъ и т. п.

С.-Петербургъ, Б. Морская, 39.

Туть же складъ изданій по пожарному дѣлу.

Обществомъ издается ежемѣсячный иллюстри-
рованный журналъ

„ПОЖАРНОЕ ДѢЛО“

по цѣнѣ 4 руб. въ годъ съ пересылкою.